

Колдовские миры

КИРА ИЗМАЙЛОВА

Безобразная Жанна

Annotation

Верно сказано: бойся своих желаний, ибо они могут исполниться. Однажды на призыв ревнивой и завистливой девчонки откликнулся тот, кто пообещал ей мечту. Договор есть договор, и нечисть сдержала слово. А потом пришел черед призвавшей...

Не принцесса Жанна накликала беду на свою семью и королевство, не она заключила опасную сделку с потомком фей, однако все беды валятся на ее голову. И полагаться она может только на себя да на странного бродягу по прозвищу Рыжий, который сумел зажечь в ее сердце огонек новой надежды.

Кира Измайлова

Безобразная Жанна

© Измайлова К. А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

За окном уныло выл ветер. Я сидела у камина с книгой, но не читала, так, перелистывала страницы, не вдумываясь в сюжет. А впрочем, во что там прикажете вдумываться: если в завязке имеется невинная девица и храбрый рыцарь, которому отказали в сватовстве, то будьте покойны, к концу романа любящие сердца всенепременно воссоединятся!

Внизу, в так называемой гостиной, что-то упало и покатилося со звоном, но я не обратила на это внимания: наверно, кошка озорничает, а может, не кошка, а мышь. Нужно будет сказать служанке, чтобы перемыла посуду, да как следует. Ничего не имею против кошек, мышей не боюсь, но есть с ними из одной тарелки все же не желаю.

Мне показалось, будто кто-то отодвинул стул, но, верно, это было игрой воображения. Кому, скажите на милость, двигать стулья посреди ночи, когда слуги давно спят? Это только я засиживаюсь глубоко за полночь, отпустив горничную, потому что страдаю бессонницей и могу не спать до утра. Ничего хорошего в этом нет, после бессонной ночи у меня дурное настроение, а чувствую я себя отвратительно, но, увы, ничто не помогает. Ни травяные настои, ни заговоры, ни попытки утомиться за день так, чтобы упасть и уснуть... Что ни делай — несколько ночей в месяц я вовсе не сплю, забываясь лишь изредка и ненадолго.

Так вот, у меня очень тонкий слух, поэтому посторонние шумы в пустом доме я прекрасно отличаю от привычных. Внизу творилось что-то странное, и я решила спуститься посмотреть: пока я добужусь горничной, ночной гость успеет испариться!

Я угадала — кто-то шнырял по гостиной, не зажигая света, а стало быть...

— Кто здесь? — негромко спросила я.

У меня был фонарь, но я закрыла на нем шторы, чтобы незамеченной спуститься по лестнице. Скрипучие ступеньки я знала наперечет, видела в темноте неплохо, да и в любом случае — в своем доме мимо двери не промахнешься!

— Отзовитесь, иначе я крикну слуг!

Шорох раздался впереди, я подняла штору на фонаре, и в луче света обнаружилась темная фигура.

— Не надо никого звать, хозяйка! — скороговоркой произнес незванный гость, зачем-то показывая мне пустые руки. Хотя, возможно, он просто закрывался от света. — Я ничего не сделал!

— Да, всего лишь забрался в чужой дом, — кивнула я, держа фонарь на вытянутой руке так, чтобы самой видеть незнакомца, но не освещать своего лица. — Кто ты такой?

— Никто, — усмехнулся он. — Просто голодный бродяга. Думал перехватить тут хоть хлеба корку, а если повезет, то и еще чего-нибудь, да в шкафах — шаром покати! В смысле, съестного ничего, только вот соль нашел, и той щепотка...

— Не там смотрел, — фыркнула я. — Неужто не понял? Это гостиная, тут в шкафах припасов нет. Кстати, а не прилип ли у тебя к рукам какой-нибудь кубок или еще что? А ну, подойди ближе!

— А ты что же, вовсе меня не боишься? — спросил он, делая шаг вперед. — Одна, без слуг... Вдруг я разбойник?

— С чего бы мне тебя бояться? Я одна, как ты сказал, но и ты один. И еще неизвестно, чья возьмет, если ты вздумаешь ко мне руки тянуть.

— Ну так и стулом можно огреть, и кочергой...

— И топором, — в тон ему добавила я, свободной рукой выдернув сзади из-за пояса маленький, но очень острый топорик. — Хочешь поспорить, что я смогу раскроить тебе голову с десяти шагов?

— Да нет, знаешь, не рискну, — пробормотал он. — Рука у тебя, сразу видно, привычная, пускай и левая, а голова мне еще пригодится... Хозяйка, отпусти подобру-поздорову? Могу все карманы наизнанку вывернуть: ничего не успел прихватить! Думал, хоть подсвечник или ложки серебряные найду, а тут сплошь чугуны да олово!

— Ты вроде бы еду искал, — напомнила я, — а не ложки с канделябрами.

— Так одно другому не мешает...

Ночной гость тяжело вздохнул, а я услышала, как заурчало у него в пустом животе. Говорю ведь: у меня очень хороший слух!

— Иди направо, вниз по лестнице, — велела я. — Да не оглядывайся...

Он послушался, а я пошла следом, держась в нескольких шагах позади него.

Конечно, оставаться один на один с таким человеком было опрометчиво: бродяга оказался очень высок, широкоплеч и, даже если ослабел от голода (хотя я бы не сказала, что он слишком отощал), наверняка мог быть опасен для одинокой женщины. Но я скучала, вдобавок эта треклятая бессонница... Ну а когда у меня в руках оружие, я вовсе теряю голову.

Отец частенько говорил, что мне следовало родиться мальчишкой, а мама ужасалась нашим забавам: он учил меня ездить верхом без седла, стрелять из лука и арбалета, драться на шестах, ножах и топорах (до благородного меча я тогда еще не доросла), метать в цель те же ножи с топорами... словом, всему тому, чему отцы обучают сыновей, а никак не дочерей. Но что поделать, Создатель не даровал ему сына, только меня и мою сестру — вот она-то как раз была настоящей благородной девицей и за нас обеих отбывала повинность по рукоделию и прочим изящным наукам. Я тоже умела вышивать, рисовать и музицировать, но при первой же возможности удирала прочь от дамского общества...

— Это что, кухня, что ли? — недоуменно спросил бродяга, оглядевшись в тусклом свете моего фонаря.

— Она самая. Ты же сказал, что голоден, так садись и поешь, от ужина наверняка что-нибудь да осталось. Подавать не стану, руки заняты, — сказала я без тени усмешки. — Вон там, в ларе глянь да в печи.

— Вот спасибо, хозяйка... — пробормотал он, открыв заслонку и заглянув в печь. — Недурно твои слуги живут, если от ужина почти целая миска каши остается! А тут что? Ух ты, и хлеб совсем свежий, и сыр...

Тут он поднял голову и пристально взглянул на меня, но я снова отвела руку с фонарем в сторону, спрятавшись в тени.

— Не отравлено, не бойся. Можешь даже окорока себе отрезать и пирога взять, кладовая во-он там, — указала я.

— Если ты мне еще вина предложишь, я решу, будто помер и оказался в садах Создателя, — искренне сказал он, отрезав себе изрядную краюху хлеба.

— Чего нет, того нет, — отозвалась я. — Я хмельного не пью, а пиво слуги уже выхлестали, теперь маются, ждут, когда подвода с припасами придет. Всякий раз так выходит.

— Сами бы вино состряпали, дел-то... — пробормотал бродяга, набрасываясь на еду. Похоже, он и впрямь сильно оголодал: холодную кашу со шкварками проглотил в один миг, запив водой из бочки, а хлеб с сыром и кусочком окорока смаковал так, будто это был

королевский ужин, уж молчу о пироге с потрохами! — Ягод в ваших краях всегда видимо-невидимо, жаль только, ни их, ни грибов еще нет, а то я бы на подножном корму как-нибудь перебился. Только парой земляничин сыт не будешь, а другое все сплошь незрелое.

— Какие уж грибы, сушь стоит с самой весны, да и зима бесснежная была, — вздохнула я. — Странно, что ягоды попадают, яблоки вон осыпаются, всю ночь паданцы по крыше барабанят.

— Да и ягод, видно, не будет, так зелеными и пожухнут, — кивнул он. — В лесу страшно костер разводить: этак полыхнет — до самого перевала все выгорит. Еще и ветер — мигом огонь разнесет, а если сосны да ели вспыхнут, никакой дождь не потушит. Хорошо, у вас тут торфяников нет, а то там, за перевалом, я низиной шел — старое болото горит, а хуже того не придумаешь.

— Неужто?

— Ну да. То ли костер кто-то не затушил, то ли молния ударила... помнишь, была в прошлом месяце сухая гроза? Или не дошла она сюда?

— Какая-то дошла, а та самая или нет, не знаю, — покачала я головой. — Вроде бы побрызгало дождем, едва пыль прибило...

— Может, и она, — кивнул бродяга лохматой головой. Теперь, присмотревшись, я видела, что он черен то ли от грязи, то ли от загара. Спутанные волосы казались темными (но поди пойми, были ли такими от природы или от той же грязи!), а цвета глаз я разобрать не смогла. — Словом, сперва верховой пожар прошел, но несильный, до деревни не добрался, там просека широкая, а ветер утих, на удачу... Ну а торф-то затлел. Говорят, уж порядочно выгорело. В одну ямину несколько коров ухнуло: он же там, внизу тлеет, а сверху трава как трава, разве что пожухшая, но скотина разве разбирает? Пастух сам чудом за ними не угодил, успел отскочить...

Я представила несчастных животных, обреченных заживо сгореть в огненной ловушке, и содрогнулась. А уж запах, наверно...

— Дым там стоит такой, что руку вытяни — ничего не видать, — добавил бродяга. — Даже ветер не спасает, гоняет его по кругу, вот и все. Дождей бы на месяцок, может, и залило бы пожар, но, похоже, не будет их. Зимой, может, потухнет, а может, и нет... Если еще одна зима бесснежной выдастся, то по весне заново разгорится, такие пожары, бывает, годами не утихают!

— А тебе что за дело, если ты не здешний? — спросила я. — Иди себе куда глаза глядят, подальше от дыма, вот и все дела.

— Ну, я не вовсе уж чужак тут, — серьезно ответил он, прожевав. — Отец мой отсюда родом, а я хоть и рос по большей части в других краях, все одно сюда тянуло. Пришел однажды — и влюбился...

— В девицу? У лесорубов дочки хороши: крепкие, рослые, статные, как сосны молодые!

— Да нет, не в девицу! — Бродяга показал в улыбке до странного белые зубы, такие не у каждого придворного щеголя увидишь. — В те самые сосны. В скалы, в закаты ваши сумасшедшие, а уж как тут дышится... Легко, привольно, так бы и полетел, особенно если ветер с моря!

— Давно бродяжничаешь? — спросила я не без улыбки, такими забавными показались мне его слова. Нашел невидаль: скалы да сосны! Они тут повсюду, куда ни посмотри...

— Считай, еще до рождения начал, — серьезно ответил он. — Матушка моя с отцом вместе скиталась, и где уж они меня зачали, сами не скажут, не помнят, каким ветром меня

надуло. Видно, здешним: родился я далеко отсюда, а меня все равно сюда тянет, хоть ты расшибись! Нет края лучше, либо же я его еще не нашел, но если найду...

— Ты наелся? — перебила я, и так уж видя, что он подобрал снесь до крошки. Мне просто наскучило стоять на лестнице как диковинная статуя. — Если так, то иди с миром. Не стану предлагать тебе ночлег: ночи нынче теплые и сухие, авось, и под открытым небом не продрогнешь. Возьми с собой хлеба да солонины — она там же, в кладовой, — и попрощаемся.

— Это с чего бы такая щедрость? — спросил он, наклонив голову к плечу.

— У меня бессонница, — честно ответила я, — а ты меня развлек. Считай это платой.

— Знаешь, хозяйка, я бродяга, но не шут гороховый, — серьезно сказал он, — и развлекать тебя не нанимался. Жаль, угощение обратно вернуть не смогу, хотя...

— Стой, прекрати немедленно! — воскликнула я, когда бродяга сунул два пальца в глотку. — Испачкаешь пол — вылизывать заставлю! Я не шучу!

— Какие уж тут шутки... — сглотнул он, увидев, как я поудобнее перехватила топорик. — Ладно, не серчай. Занесло меня малость, очень уж я гордым уродился, мне и отец с матерью так говорили...

— Забавно, мне твердили то же самое, — хмыкнула я. Фонарь давно стоял на перилах лестницы, и я переложила топорик из левой руки в правую. Ею я владею хуже, но с такого расстояния не промахнусь, приди нужда. — «Гордячка» — так меня называли и требовали смирить нрав да вести себя как подобает благородной девице.

— Вижу, не вышло, — вздохнул бродяга. — Знаешь, хозяйка... Я, пожалуй, взял бы хлеба ковригу и сыра кусок на дорогу, но не за болтовню. Может, у вас тут починить что-нибудь нужно, прибрать? Крышу на сарае перекрыть или стены выбелить? У меня руки нужным концом приставлены, от работы я не бегаю, просто... — он пожал могучими плечами, — на месте мне не сидится, а пришлым мало где рады, своих работничков хватает!

— Хозяйство у нас в порядке, — ответила я, — лишние руки не нужны. Жаль, что ты не хочешь поговорить еще, за это я бы тебе не только провизии, а и денег на дорогу дала.

— О чем ты? — нахмурился он.

Брови у него были очень густые, темные, и хоть я видела, как блестят под ними глаза, вряд ли сумела бы разобрать их цвет, даже подойдя вплотную. Разве что при свете дня, но никак не в тусклом луче фонаря.

— Расскажи мне, что творится в столице, о чем говорят, о чем сплетничают, и я щедро тебя награжу, — произнесла я, чувствуя странную дрожь внутри. — Ты же бродяга, ты должен слышать много всего, вот и перескажи мне, о чем болтают на улицах и в деревнях!

— Зачем это тебе? — помедлив, спросил он.

— Затем, что иначе мне никак этого не узнать, — сказала я, решив, что бродяге нет смысла выдавать меня, а если попробует... мне хуже не станет, а вот он вполне может лишиться головы. — Не так уж много людей пишет мне, и письма их читают. Слуги сами не высовывают носа из поместья, а с теми, что привозят припасы, мне никак не переговорить и передать с ними записку не выйдет: сами не прочтут, не сумеют, так передадут кое-кому... Крестьяне ничего не знают, да я и вижу их разве что издали... Ну а гостей и тем более чужаков здесь не бывает, ты первый незнакомец, которого я повстречала за последние три года!

Воцарилась тишина, только сверчок стрекотал где-то за печкой.

— Так ты что, в изгнании здесь, хозяйка? — вымолвил он наконец.

— А ты недурно соображаешь для простого бродяги.

— За что же тебя так? Я слышал, знатных дам ссылают в отдаленные поместья за то, что умышляли против своих мужей, изменяли... или просто им надоели. Но ты, мне кажется, еще слишком молода для такого! А хотя... тут ведь выдают замуж очень рано... Я прав? Судя по твоему норову, благоверный и впрямь мог испугаться! Или ты ему рога наставила?

— Фу, какая пошлость! — фыркнула я. — Бери выше, бродяга. Я здесь потому, что меня обвинили в государственной измене!

— Чего?.. — выдохнул он и облился водой из кружки.

— Я злоумышляла против его величества, — с удовольствием выговорила я. — И не перестая этого делать, только вот возможности осуществить планы у меня нет, он постарался оборвать все мои связи с внешним миром... чтоб ему провалиться!

— Хозяйка... — опасливо протянул бродяга. — А ведь за такое казнят... Я слышал, про короля слова дурного не скажи — мигом отволокут куда надо, а там... Или на галеры, или на виселицу, смотря что болтал. А ты... говоришь такое, ссыльная, а живая... Заплатила много? Или родня у тебя знатная, спасла от виселицы-то?

— Конечно, как же без этого, — зло улыбнулась я, пользуясь тем, что он не видит моего лица. — Знатнее моей родни ни у кого в этом королевстве нет!

— Да кто же ты такая? — удивленно спросил он.

— Я — принцесса Жанна, — ответила я, и бродяга уронил-таки кружку...

После долгой паузы он сказал:

— Я уж не стану спрашивать доказательств. Не по чину мне... И так понятно: государственная измена... за такое спасибо, если не на кол посадят, а сразу голову с плеч, а ты жива-живехонька... Я пойду, а?

— Стоять! — приказала я. — Куда это ты собрался? Я, кажется, сказала, что хочу услышать, о чем говорят в столице!

— Ты-то сказала, а мне вот совсем не хочется на виселицу, — проворчал бродяга. — А ну как слуги меня застукают? Они, поди, о каждом твоём шаге доносят! Тебя-то не тронут, может, сладкого лишат, а мне каюк...

— Верно, не стоит разговаривать на кухне, — кивнула я. — Иди за мной. Да не бойся!

— Ничего себе, у нее топор в руке, а я «не бойся»... — бормотал он по пути. — У меня только нож, да и тот паршивый, супротив топора с таким соваться смысла нет, и не важно, что тот у девицы в руке... А рука-то, сразу видать, уверенная, не дрова колола, ох не дрова...

— Хватит чушь нести, — велела я, распахнув двери в свои покои. — Входи. Надеюсь, блох у тебя нет?

— С утра не было, — вздохнул он, пытаясь разглядеть, куда ступает. — И мылся я третьего дня. В речке. А вчера в ручье умывался, да...

— Я тебя не в постель зову, — фыркнула я и поставила фонарь на столик. — Впрочем, ты и не согласишься.

— Почему это? — сразу заинтересовался бродяга. — Ты, хозяйка, молодая, фигура... мм-м... Волосы вон какие, ниже пояса, чистый шелк! Вот лица не видел, и...

— И не надо! — резко оборвала я, усаживаясь в кресло. — Присядь. Вон там табурет. В графине вино, стаканы рядом, налей себе, если хочешь.

— Ты же сказала, что хмельного не пьешь! — припомнил он.

— Не пью, — согласилась я. — Родственники... хм... присылают мне лучшие вина к праздникам, а я выливаю их в окошко.

— Отчего так? Отравы боишься?

— Нет, — помедлив, ответила я. — Себя. С вином слишком легко забыться... и забыть о том, что я должна сделать.

— И что же? — негромко спросил бродяга.

— Ты не захочешь этого знать, — усмехнулась я. — Промочи горло и говори! Хотя постой... сперва скажи: слышал ли ты когда-нибудь о принцессе Жанне, а если да, то что именно?

Бродяга задумался, прихлебывая вино, как воду.

— Слышал, — сказал он, наконец. — Но не в этих краях. Тут правят король Рикардо с королевой Аделин, а принцесса только одна — их дочь, Эмилия.

— И что же говорят в других краях? — Я невольно прикусила губу.

— Ну... у старого короля Эмиля было две дочери, но не было сыновей, так что после его смерти трон занял зять, муж Аделин, — ответил бродяга, — этот вот самый Рикардо. Король его благословил и передал власть еще при жизни, вроде как посмотреть хотел, как зять справится, посмотрел, значит, а вскорости помер. Ну а про вторую принцессу ничего толком не говорят. То ли замуж ее выдали в чужие края, то ли она вовсе померла, никто не знает, я и имя-то только от тебя услышал, хозяйка... А оно вон как!

— Ясно... — сказала я и замолчала. — Значит, я была права и он действительно владеет... чем-то.

— О чем это ты толкуешь? — осторожно спросил бродяга.

— Хочешь знать? Я расскажу, — усмехнулась я. — Или ты все еще боишься виселицы?

— Боюсь, хозяйка, да только любопытство сильнее, — серьезно ответил бродяга, допив вино. — Мне так и так своей смертью помереть не придется, накуролесил я изрядно, чего ж мне терять? Погоди, налью себе еще глоточек, вино знатное...

Он зазвякал пробкой графина, а я, помолчав, сказала:

— У отца в самом деле были только две дочери, я и Аделин. Папа хотел сына, наследника, но... Почему-то мальчики или рождались мертвыми, или не доживали до года. Словом, когда на свет появилась я, он взялся воспитывать меня как сына, потому что твердо решил: раз у него не может быть сыновей, то престол унаследую я, а мой супруг будет не более чем принцем-консортом. Ты знаешь, кто это? — спохватилась я.

— Муж королевы, да? Ты не переживай, я не вовсе уж пенек лесной, много где бродил и много чего слышал, — усмехнулся он. — А если слово незнакомое скажешь, так я спрошу, что оно значит, не облезу.

— Хорошо, — кивнула я. — Характер у меня оказался и впрямь не девичий. Отец часто повторял, мол, мальчишкой бы мне родиться!

— А сестра?

— Аделин? Она двумя годами моложе, и вот она-то — настоящая принцесса, какими их описывают в сказках, — невольно улыбнулась я. — Когда отец учил меня ездить верхом и сражаться, заставлял читать скучные кодексы и разбирать жалобы землевладельцев, учить иностранные языки и разговаривать с послами, сестра вышивала, музицировала и брала уроки танцев. Конечно, и она знает несколько языков, умеет поддержать светскую беседу и знает, на каком берегу Великого моря живут люди с черной кожей, а на каком — с красной или желтой, но...

— На трон такую не посадишь, — заключил бродяга. — Ну... чтоб сама распоряжалась, а не была вроде этой... как же ее? А! Куклы такой, которую актеры в балаганах за веревочки

дергают! Красивая, в шелках да золоте, только сама ничего делать не может.

— Именно, — проговорила я. — Аделин прочили в жены одному князю из-за гор. Он был вдвое старше ее, но оно и к лучшему... Король очень уважал его отца и самого князя и говорил, что если и может доверить кому-то свою малышку Аделин, так это сыну доброго друга, Саннежи. Да и сестре он нравился: князь был умен, привлекателен, умел веселиться, женщины его обожали, а страна его процветала...

— А почему ты все время говоришь о нем «был», хозяйка?

— Потому, что Саннежи умер, — обронила я. — Несчастный случай на охоте, так сказали. Случилось это сразу после того, как он собрался присвататься к Аделин.

— Думаешь, его нарочно?.. — Бродяга выразительно чиркнул себя пальцем по горлу.

— Думаю, да. Чтобы в один день на охотников вынесло взбесившегося кабана, любимый конь князя, много раз выдавший и не такое, вдруг перестал слушаться хозяина, а тот, прекрасный наездник, способный укротить самую дикую лошадь, не удержался в седле и угодил на клыки тому кабану... — Я покачала головой. — Что-то слишком уж много совпадений.

— Ты так говоришь о нем, словно... — Он умолк.

— Да, я предпочла, чтобы Саннежи женился на мне, а не на Аделин, — вздохнула я. — Но... мы с ним были слишком похожи. Я ведь сказала: отец воспитал меня как единственную наследницу. Я не стала бы слушать приказов мужа и не позволила бы ему править своей страной, а князь не удовольствовался бы ролью моего помощника. Впрочем, — добавила я, — кого бы я ни взяла в мужья, мой наследник все равно был бы только моим, неважно, кто его отец! А уж на это Саннежи бы не согласился, уверена... Он говорил мне, что берет в жены Аделин только потому, что она похожа на меня. Жаль только, не выйдет скакать бок о бок на охоте, вместе обсуждать дела и...

Я махнула рукой и добавила:

— Если бы у отца был сын, я стала бы женой Саннежи, и все были бы счастливы. Князь ведь знал меня с детства, и ему было все равно, как я выгляжу.

— Это ты о чем? — не понял бродяга.

— Потом скажу, если к слову придется, — махнула я рукой. — Налей и мне... В кои-то веки выпью глоток...

Он поставил бокал на столик подле моего кресла и вернулся на свое место. Я отпила немного, скривилась — совсем забыла вкус вина, а это вдобавок оказалось на редкость кислым, — и продолжила:

— Но это случилось недавно... Когда же мне сравнялось четырнадцать, случилось другое несчастье. В тот раз никто не умер... хотя иногда я думала, лучше бы умер! У меня и прежде был тяжелый нрав, а после этого он сделался еще хуже...

— Погоди, хозяйка, я не понял, — помотал головой бродяга. — Что за несчастье? С кем? Что князь на охоте погиб, это я уловил, а другое — оно раньше случилось?

— Я же сказала, мне сравнялось четырнадцать! — нахмурилась я.

— Так... это с тобой? — негромко спросил он. — Верно, ты же сказала, мол, князь говорил, ему все равно, как ты выглядишь! Что же такое...

— Подойди поближе и посмотри, — сказала я, разворачивая фонарь. — Не бойся, я не кусаюсь. Могу даже руку с топора убрать.

Он подошел и всмотрелся в мое лицо, а я наконец получше разглядела его самого и поразилась: прежде мне не доводилось видеть такой наружности! На смуглом лице моего

ночного гостя глаза казались бездонными провалами, и если бы не отражавшийся в них огонь, немудрено было испугаться! А волосы у него оказались темно-рыжими, никогда не видала таких. Просто рыжих людей предостаточно, вон взять хоть мою кухарку, но такого глубокого медного цвета (на солнце, наверно, лохмы бродяги казались огненными) я не встречала. Темные брови и щетина при этом выглядели странно. Хотя... отец мой был светловолос, а борода у него росла каштановая.

— Я понимаю князя, — выговорил бродяга, сглотнув и попятившись.

— О чем ты?

— Такая красота...

— Да о чем ты? — прищурилась я. — Какая еще красота, где ты ее разглядел? Нет ее, слышишь?! Скоро семь лет, как ее не стало, с тех самых пор, как на охоте издыхающий волк вцепился мне в лицо, когда я наклонилась за трофеем!

— Не кричи! — грубая ладонь зажала мне рот. — Слуги понабегут, чего доброго... Ну... ну... теперь-то уж что толку плакать, былого не воротишь...

«Вовсе я не плачу! — хотела я сказать, но осеклась, а вслед подумала: — Нельзя мне пить вина».

— Скажи спасибо, глаза целы остались, — продолжал он, — а прочее... и так понятно, до чего хороша ты была. Я нынешнюю королеву, Аделин то есть, только на портретах видал, ну да те портреты трактирные... мазилы соврут, недорого возьмут. Ан теперь гляжу: и впрямь вы с нею похожи!

— Сестры же родные... — выговорила я, когда отпустил спазм, сжавший горло. Дожила, распустила сопли перед каким-то бродягой! — Я была Умницей Жанной, еще не Мудрой, рановато, а вышло... Отец неуклюже шутил, что в историю я войду как Безобразная Жанна, и что лучше быть умной, чем красивой... Прекрасное утешение для девицы на выданье, не правда ли?

— Но ты же не сдалась, хозяйка? — серьезно спросил он.

— Конечно нет. Жанна — не из тех королев, что удаляются в изгнание своею волей, — прищурилась я. — И мое уродство ничего не меняло. Тот, кто захотел бы стать моим принцем-консортом, не поглядел бы на мое увечье, будь я даже хрома и горбата! А что до прочего... Вроде бы простолюдины говорят: в темноте лица не видать, а если что, можно подол на голову накинуть?

— Еще и не такое говорят, — заверил бродяга и с сожалением вылил из графина последние капли в свой стакан. — Но что же дальше?

— К нашему двору прибыл принц Рикардо, — проговорила я. — Милейший и умнейший юноша. Отец сказал как-то — а чувство юмора у него было, увы, ужасное, — что неплохо бы нам с ним сойтись, но я могла выбирать и отказалась от такого союза наотрез.

— Хм... это что ж, принц был прекрасен лицом и телом, но дурак дураком?

— Наоборот, он оказался горбат, на лицо не слишком хорош, вдобавок сильно хромал, но зато славился умом, — фыркнула я. — Да и земли у него были богатые. Когда он посватался к Аделин, поняв, что моего согласия не дождетя, та пришла в ужас: после красавца Саннежи (пусть она и знала, что он любит не ее) — хромой горбун Рикардо? Но она до странного быстро смирилась, хотя нрав у нас похож. Если бы отец воспитывал и ее как меня, из нее мог вырасти тот еще сорванец! И все бы ничего, но...

— А ваша мать? — перебил бродяга.

— Она к тому времени уже ушла к Создателю.

— Вон оно что... Мать-то, наверно, заметила бы, что с дочкой неладно!

— Может быть, но что проку? Она не осмелилась бы спорить с отцом.

Странное дело, я и не заметила, что бродяга устроился на полу у моих ног, а сама я позабыла о топорике!

— А что потом? — спросил он, как ребенок, требующий продолжения страшной сказки.

— После помолвки Аделин отец как-то охладел ко мне, — неохотно произнесла я. — Я не сразу это заметила. И что бы там ни говорили о моем характере, я была рада за сестру, мне показалось, она разглядела за невзрачной внешностью Рикардо истинную суть и позабыла о его горбе и прочем...

— Похоже, суть оказалась не совсем... хорошей, — обронил бродяга.

— Как рассудишь? Рикардо сделался душою нашего общества, увечье его, казалось, вовсе не стесняло, — покачала я головой. — Стоило поговорить с ним недолго и человек забывал, что перед ним хромой горбун!

— Может, потому, что он сам об этом не помнил?

— Наверно, — подумав, согласилась я. — Он был таким с рождения и привык... А я старалась скрыть... вот это, но только сильнее привлекала внимание. А чем больше на меня показывали пальцами, тем больше я злилась, и...

— Ты уж сказала, что нрав у тебя не медовый, да это и так видно! — негромко рассмеялся бродяга. — Дальше-то что?

— Дальше... — Я прикрыла лицо рукой, хотя что толку? — Отец пригласил на конную прогулку принца Рикардо, а не меня. Когда я сказала, что тоже хочу поехать, отец ответил: у них мужской разговор. Он начал обсуждать с ним дела нашего королевства, а меня не звал, я узнавала об этом от слуг, и то не всякий раз — им запрещено было болтать. Чем дальше, тем сильнее отец отдалялся от меня, но когда я спрашивала напрямик, что с ним, в чем дело, лишь недоуменно разводил руками и отвечал: Рикардо советуется с ним как с будущим тестем, потому что опасается не справиться со своим королевством...

— Своим — это твоим, значит?

— Именно, — кивнула я. — Потом была свадьба. Аделин сияла, отец тоже выглядел счастливым, а вскоре занемог. Именно тогда он сказал, что передаст престол Рикардо, а не мне, как собирался!

— Ну, это удар под дых, — серьезно сказал бродяга.

— Верно, — согласилась я, припомнив тренировки.

Там никто не думал о том, что я принцесса, я ничем не отличалась от мальчишек! Наверно, отец все-таки не велел бить меня в полную силу, но мне и того хватало, и я помнила, каково это — когда из тебя вышибают дух. Точно так я себя почувствовала, услышав отцовские слова.

— Я пыталась поговорить с ним, образумить, но отец твердил одно: в беде меня не оставят, королевство не пропадет, у него будет хороший правитель, чего еще желать? Он повторял это снова и снова, особенно когда ему начала изменять память и он называл меня то Мадлен, как маму, то Аделин... — Я отпила еще вина и добавила: — Моего имени он так и не вспомнил. Ну а вскоре он умер, и на трон, согласно его последней воле, вступил Рикардо рука об руку с моей сестрой. Он был так добр, что позволил мне удалиться в это уединенное поместье и здесь оплакивать отца. Три года я его оплакиваю, но ничего не могу поделать!

Видно, ярость в моем голосе заставила бродягу проснуться.

— А что ты хотела сделать, хозяйка? — спросил он, зевнув. — Оно понятно, на кону королевство, только у тебя, я смотрю, даже людей своих нет?

— Нет... — произнесла я. — Были... десяток или два, те, что знали меня еще Умницей Жанной, но после той охоты я разогнала всех. Безобразная Жанна никого не любила и никто не любил ее. Разве что отец, но он умер.

— А сестра?

— Она всю жизнь мне завидовала, — ответила я. — Мы были одинаково красивы, только отец учил меня тому, чему обычно не учат девочек, брал с собою на охоту, на посольские приемы... Он переодевал меня пажом, будто никто не мог догадаться, кто я такая! Даже за море он меня взял, и, хоть меня тошнило всю дорогу, я ни на что не променяла бы это путешествие! И я была вольна выбирать себе мужа, это мне должно было достаться королевство, и...

— Но красоты-то твоей не стало, — обронил бродяга.

— Отец от этого не стал любить меня меньше, — покачала я головой. — Нет-нет. Если бы не он, я бы вконец озлилась тогда, но... он изменился только в последний год своей жизни, после появления Рикардо, ручаюсь. К тому времени я уже перестала бить зеркала... хотя ненавижу их по-прежнему. Дело не в красоте.

— Значит, в королевстве?

— А в чем еще? Оно не так уж богато и велико, но... Думаю, Рикардо знал что-то такое, что сподвигло его на все это. Но что? Я перебрала в уме все, что знала и слышала о нем, но не могу понять... — Я взялась за виски. — Нет новостей... Спасибо, сообщили, что Аделин родила дочь! Потому я и прошу тебя рассказать, что говорят в округе, а в особенности в столице...

— Хорошо, хозяйка, — серьезно сказал бродяга. — Что знаю — тем поделюсь. Раз уж у тебя бессонница, а я днем в стогу отоспался, то самое время языком почесать, а?

— Так начинай, — вздохнула я.

— Ходит слух, — негромко произнес он, — что король Рикардо — чародей.

— Неужто?

— Ага. Все знают, что он некрасив и горбат, как ты и говоришь, но едва взглянут на него — тотчас забывают об этом. А королева сладкоречива и очень умна, об этом сплетничали слуги послов, которые были на приеме, а я в трактире услышал — у слуг, знаешь ли, своя почта имеется, новости быстрее лесного пожара разносятся. Господа послы были в восторге от ее суждений.

— Аделин?! — вырвалось у меня. — Она не глупа, но... Должно быть, повторяет слова супруга. Продолжай!

— Да я, пожалуй, больше ничего и не знаю, — покачал он головой. — Я в этих краях давненько не бывал. Вот про другие страны много могу порассказать, а сюда вернулся и словно снова на чужбину попал!

— Это почему же тебе так показалось? — нахмурилась я.

— Да сам не пойму, — почесал он в затылке.

Его рыжие лохмы показались мне какими-то слишком уж чистыми для бродяги, у моих слуг и то, бывало, волосы выглядели засаленными: в этой глуши они себя не утруждали, считая, что красоваться не перед кем, и так сойдет, и мне приходилось напоминать им о том, что они не в заплеванной харчевне прислуживают!

Впрочем, бродяга же сказал, что мылся третьего дня. В речке, да. Не иначе там горячая

вода из подземного источника била, а на кустах мыло росло.

— А все же?

Он помолчал, потом сказал:

— Не могу описать, хозяйка, не обучен красно говорить. Байки рассказывать и всякую чепуху болтать — это будьте-нате, а вот сказать что чувствую не умею, боюсь, не поймешь ты меня. Но... словно я домой вернулся, а там вроде и печка на месте, стол да лавки те же, занавеска на окошке старая, с заплаткой, кошка по-прежнему мурлычет, все так... да не так! То ли заплатка не на том месте, и не в горошек, а в клеточку, то ли у кошки полоски не те... Будто, пока меня не было, дом снесли, а новый построили, точь-в-точь как был. Но строил-то не я и не мои родные, которые ту халупу до последнего гвоздя да сучка на половице знали, вот по мелочи и набирается: то не так, это не эдак, ковшик не той стороной висит... — Бродяга помотал головой.

От него пахло чем-то странным, словно бы раскаленной солнцем дорожной пылью и луговыми травами, сосновой смолой и хвоей, вольным ветром... ну и самим бродягой, конечно, молодым здоровым парнем. Одежду он явно стирал давненько, разве что в той же речке выполоскал, а что толку?

— Говорил ведь, не поймешь, — подметил он мою задумчивость.

— Отчего же, — протянула я, бездумно перебирая косу. — У меня в точности такое же ощущение появилось еще в столице, после смерти отца. Будто бы люди, которых я знала с рождения, изменились в одночасье, совсем немного, но... они стали другими. И город не такой, и чайки на взморье кричат неправильно, и даже солнце на парусах не так играет...

— Соскучилась по морю, хозяйка? — неожиданно серьезно спросил он.

— С чего ты взял?

— Так это сразу видать: как заговорила о нем, глаза сразу затуманились, — ухмыльнулся он. — И тот, кто возле моря родился и вырос, может, и бубнит: ветер сырой, простываешь то и дело, рыбой воняет, а как уедет подальше, так начинает вспоминать по делу и без дела: и закаты-то там с восходами краше не придумать, и приливы с отливами, и корабли на рейде, как белые лебеди, и воздух целебный, и рыба свежая — пальчики оближешь, нигде больше такой не попробуешь! Скажешь, я не прав?

— Прав, — невольно улыбнулась я в ответ. — Со старого маяка на мысу далеко видать... А в бурю его почти захлестывает, я все хотела там побывать в такое время, да отец запретил. Я долго подгадывала, как бы сбежать да забраться на маяк перед бурей, но все как-то не складывалось. А потом и вовсе стало не до того.

«А почему, собственно, я веду с этим бродягой задушевные беседы?» — спохватилась я, а он сказал, словно прочитав мои мысли:

— Плохо, когда не с кем словом перемолвиться, а, хозяйка?

— Верно. И что-то я разговорилась, не иначе вино тому причиной, — ответила я.

— Да что там того вина, ты глоток выпила, не больше... — усмехнулся он и взглянул за окно. — Пора мне идти, скоро уж светать начнет, хочу по холодку подальше убраться. А то, не ровен час, слуги твои меня все же приметят, подведу я нас обоих под монастырь... кстати, хозяйка, а почему ты здесь, а не в монастыре этом самом? Тут же обитель неподалеку, а я слышал, знатных девиц именно туда ссылают...

— Так мы договорились с Рикардо, — нехотя ответила я, встала и подошла к окну, вглядываясь в ночную темень.

И где там бродяга рассвет заметил? Не видно ни зги, только в мелких стеклах оконного

переплетается отражается огонек свечи, дробится на десятки таких же, словно гигантская стрекоза смотрит снаружи фасетчатыми глазами. Один придворный ученый давал мне посмотреть на насекомых в увеличительное стекло — ох и страшна же обычная муха, если представить, что она ростом с лошадь! А стрекозы и вовсе на драконов похожи, как их в сказках описывают...

— Рикардо знал, что мне особо выбирать не приходится, — продолжила я, — но понял, видно: окажись я в обители, я ее первым делом сожгу, потом скроюсь... где-нибудь, да скроюсь! А потом... Неизвестно, что будет потом. А здесь я хотя бы могу выезжать на прогулки по округе. Под присмотром, конечно, — поморщилась я, — но и то лучше, чем сидеть взаперти да мусолить житие Создателя! Огороды-то полоть и хвосты коровам крутить принцессу не пошлют, а чем еще заняться в обители? Шить-вышивать я ненавижу, тексты переписывать не позволят, не женское это дело, а вовсе без всякого занятия я живо взбешусь!

— Да ты и так-то не смиренная...

— Это ты не видал меня в дурном настроении, — усмехнулась я. — Но уговор есть уговор. Я живу здесь, ни в чем не зная нужды. Припасы подвозят вовремя, а возникни необходимость — довольно послать слугу с запиской, и мне пришлют что угодно. Кроме оружия да верных людей, конечно... Ну а я взамен не пытаюсь ни с кем связаться, делаю вид, будто меня вовсе нет и не было никогда, могу скакать по горам и долинам, но не приближаться к жилью, если это что-то покрупнее обычной деревеньки... Да и в деревнях все предупреждены: кто заговорит с госпожой из старого поместья, жив не будет!

— То есть весточку никак не передать... — пробормотал он. — Слуги все чужие, в записке между строк написать бы что-нибудь, а некому... Верно я понял?

— Да.

— Сдается мне, ты надеялась, что кто-нибудь тебя вызволит. Ну, хоть кто-то из тех, о ком ты сказала, разогнала мол, когда волк тебя покалечил.

— Именно. Или из тех, кто роптал против решения отца. — Я вздохнула. — Их было немного, но все же... Я потому и вытребовала это поместье — из обители сбежать все же сложнее, а здесь кругом горы, можно скрыться... Но никто не объявился. Если кто и писал, то эти послания наверняка перехватили. Чужаки сюда не являлись, их вмиг бы заметили. Я даже не знаю, живы ли еще все те люди...

— Дело-то дрянь, — серьезно сказал бродяга. — Самой бежать, я понимаю, отсюда не выйдет. Даже если ты свою охрану укокошишь, отравишь или вон топориком попотчешь, дальше-то что? Кругом горы, это ты верно говоришь, да деревушки, но где и как прятаться, никого не знаючи? Через перевал идти — проводник нужен, а даже если б сама пробралась — по ту сторону гор что делать станешь?

— Отец Саннежи еще жив, и я уверена, он меня помнит. Правит сейчас Даллерен, младший брат Саннежи, и он тоже меня не забыл, это уж точно, я его как-то за проказы скрутила и в лошадиную колоду макнула... — обронила я. — Вдруг бы помогли... Или хоть приютили, все не взаперти жить!

— До них еще добраться надо, — рассудительно сказал бродяга. — Денег у тебя тоже нет, поди, раз живешь на всем готовом?

— Десяток монет наберу, — ответила я. — Да еще кое-какие драгоценности, что мне родители дарили. Но их даже не продать — очень приметные. Разве что камни вынуть, а золото на лом пустить, но толку мало выйдет. Украшения девичьи, тонкой работы, а тех самых камней всего ничего, да и те мелкие.

— Ясно-понятно, такие шутки именно что за работу ценятся, — вздохнул бродяга. — Скрываться тебе тоже сложно...

— Да уж. Я могла бы переодеться юношей и сбежать на прогулке: мужская одежда есть, волосы отрезать несложно, но лицо... — я покачала головой, — не спрячешь. Да и хватятся меня тотчас же, если не вернусь вовремя. Сразу голубок в столицу полетит, а оттуда — приказы по всем заставам. Да они и так, думаю, предупреждены.

— Одежду тоже вмиг признают, дорогая, поди! И конь, надо думать, не кляча какая-нибудь. — Бродяга снова почесал в затылке. — Вот так дела! Прежде, будь ты в городе, могла бы нищенкой переодеться, а теперь сразу заприметят! Ладно я — хожу-брожу, нанимаюсь за краюху хлеба на какую-никакую работу, но не попрошайничаю...

— Только подворовываешь.

— Не без этого, — ухмыльнулся он. — Уж прости, хозяйка, я подумал: дом богатый, чай, не обеднеют без пары побрякушек! Я к чему говорю: с нищими нынче неласково обходятся. Тоже королевский указ: всех попрошаек в каталажку, а там уж... Кто покрепче и не заразный, вроде меня, — тех работать отправляют, а то, я слыхал, увозят куда-то. Может, в рудники, может, на галеры продают. А калек да больных... — Он умолк, потом добавил: — С такими разговор короткий. Опасно нынче бродяжить да попрошайничать.

— Думаешь, Рикардо предполагал, что я и нищенкой не побрезгую переодеться?

— Ага. А там уж... если ты в столице выросла, то наверняка слыхала про Веселый квартал и тамошний народец. Им Рикардо поперек горла, «ночные короли» его ненавидят — работать не дает! Стража лютует, нищих от храмов сперва просто гоняли, теперь вот — на телегу да за решетку, пока суд да дело... а то и безо всякого суда, сам вот еле вывернулся. Чужаку вообще с оглядкой ходить надо, не спросят, кто ты — бродяга или просто путешественник, только с корабля сошел да осматриваешься! А без путешественников и трактиры, и доходные дома, и веселые тоже, уж прости за подробности, чахнут.

— Да уж, наверно, теперь человек десять раз подумает, прежде, чем ехать сюда... — пробормотала я. — А говоришь, ничего не знаешь!

— Так я думал, тебе только про сестру да ее мужа интересно услышать, — серьезно сказал он. — А теперь уж сообразил, что они-то там, на самой верхушке башни, откуда многого не видать, а внизу народу ого-го сколько! Те же контрабандисты... Слыхал я от папаши, что твой отец на их забавы смотрел сквозь пальцы, не задаром, конечно...

— Испокон веков так было, — кивнула я. — Есть тут в окрестностях кое-какие рыбацьи поселки: к тем берегам ничего крупнее баркаса или, если повезет да лоцман попадетсся хороший, шхуны не подойдет. А что еще надо? Возили-то всегда что-то дорогое, но такое, что мало места занимает.

— Приправы, специи, благовония, дорогие ткани, заморские травы, жемчуг, какой только в теплых морях водится... — хмыкнул бродяга. — Как же, слыхал!

— А кто не слыхал? — невольно улыбнулась я. — У отца было не так много средств, чтобы закупать все это и устраивать свои торговые дома, обычные купцы задирали цены втрое, а то и впятеро... Но за малую долю отец негласно позволял торговать в городах и провозить все перечисленное дальше, за горы. Запретное всегда слаще кажется, так что товары покупали охотно, и все были довольны: и контрабандисты, и простой люд, и наш казначей... — Я вздохнула. — Он, помню, всегда повторял, мол, курочка по зернышку клюет, а что зернышки с дикого проса — это без разницы, лишь бы хватало. Купцы ворчали, но быстро смекнули, с кем нужно иметь дело.

— А не ответ ли это на вопрос, что понадобилось Рикардо? — спросил он. — В самом вашем королевстве поживиться особо нечем, а вот торговый путь уже налажен...

— В его владениях портов куда больше, и они могут принимать грузовые суда, а не только легкие кораблики.

— А перевалы? Перевалы такие удобные имеются? — прищурился бродяга. Я видела его отражение в стекле, оно тоже дробилось на десятки одинаковых лиц. — Для небольших караванов, конечно... А этак вот он выставил десяток боевых кораблей на рейде, редко-редко шхунам удается проскочить, и то даже у рыбаков чуть не каждую рыбину потрошат, чтоб в ней ничего не провезли, а то повадились некоторые в селедке жемчуг прятать... Цены ого-го как взлетели, местным от этого сплошной убыток, скоро свернут они свою торговлю да подадутся в места поспокойнее. Тогда люди из-за гор волей-неволей станут покупать втридорога, и у кого, а?..

— И откуда это ты столько знаешь о контрабанде? — спросила я.

— Довелось как-то послужить на одной такой посудине, — ухмыльнулся бродяга. — Наслушался, насмотрелся, кое-какое понятие получил, говорю же, я не вовсе пенек лесной. Словом, такие вот люди могли бы помочь. У них и деньги есть, и головорезы найдутся...

— А станут ли? — негромко произнесла я. — Сам же говоришь, обо мне уже и думать забыли! Объявят самозванкой, предоставят доказательства того, что принцесса Жанна давно уж умерла, вот и конец затее.

— Будто тебя никто не признает!

— Может, и признают один или двое, а что проку?

— Хозяйка, а кто сказал, что Жанна — не из тех королев, что так просто сдаются? — спросил он, подойдя совсем близко. — Тебе бы хоть пару верных людей для начала, а там... что тебе терять-то?

— Надо было сразу бежать, — проговорила я, бездумно обводя пальцем стеклышки в частом свинцовом переплете. — Еще до коронации Рикардо. Тогда я могла добыть денег да хоть захватить утвари подороже, коней, умчаться к тем же контрабандистам, пробраться к отцу Саннежи... А я будто разума лишилась, только и хватило рассудка настоять на своем и уехать сюда. Опомнилась уже здесь, да было поздно... — Я помолчала, потом добавила: — И зачем я рассказываю тебе все это? Может, ты тоже, как Рикардо, умеешь очаровывать людей?

Бродяга отвернулся, затем сказал негромко:

— Я не подсыл, если ты подумала об этом. Я в самом деле просто путник, сто лет в этих краях не бывал. Заглянул вот... и откуда бы мне знать, что здесь заколдованная принцесса живет? Жаль, я не принц на белом коне, а то увез бы тебя, да и дело с концом!

— Все шутишь... — вздохнула я. — Но ты прав, мне частенько думается: есть ведь сказка о спящей красавице, почему бы не быть... бодрствующей уродине.

— Сказать, почему ты не спишь? — еще тише прежнего спросил бродяга, а я зачем-то кивнула, хотя знала это и сама. — Ты боишься, что за тобой придут. Потому у тебя и топорик под рукой, и, думаю, не только он один. Свою жизнь ты намерена продать дорого, я прав?

— Прав, — кивнула я, устав уже удивляться его проницательности. — Я знаю: рано или поздно Рикардо пришлет убийц. Думаю, уже скоро: обо мне почти забыли, значит, самое время... И я не знаю, кто это будет. Если кто-то явится с кинжалом, я постараюсь отбиться, но вот от яда топор не уберезет. Слуги пробуют все, что подают к столу, но что, если яд окажется из тех, что действуют на пятые сутки? Бывают ведь и такие, которыми травить можно годами, и человек умрет якобы от долгой болезни! Но не могу же я вовсе ничего не

есть, сам посуды...

— Угу, или горничная уколёт булавкой, вроде как оса укусила. Есть люди, которые от этого умирают, вдруг ты из таких? — серьезно кивнул бродяга, когда я повернулась к нему лицом. — Или в камин чего-нибудь кинет для дыма, или свечку особую принесет, или даже книжку — бывает, страницы ядом пропитывают. А то вдруг конь сбросит, как того князя. Долго ли, на горной-то тропинке! Или ты решишь сбежать в грозу или в метель, чтоб не нашли подольше, вот тебя и отыщут только по весне. Или вовсе не найдут, тут волки водятся, растащат косточки, и все...

— Да ты знаток! — невольно воскликнула я.

— Скажешь тоже... — ухмыльнулся он. — Просто пока по свету бродишь, чего только не слушаешься! Но ты не бойся. Покамест тебя убивать не станут.

— С чего ты взял? — насторожилась я.

— Сама подумай, — серьезно сказал бродяга, — отчего это Рикардо сразу тебя не прикончил? Ну, положим, сестра твоя поначалу беспокоилась, как ты да где ты. Потом родить собралась, не до тебя стало, тут-то бы и сыпануть тебе отравы в жаркое или с обрыва скинуть, а нет... Сказать почему?

— Ну же!

— Да потому, что королевскую кровь извести — это самому себя погубить. Неужто не слыхала?

— Неужто? — прищурилась я. — А как же мой отец? Его будто не околдовали, не одурманили? Неужели он своей смертью умер? Это кто же так себя не пощадил, чтобы его уничтожить?

— Хозяйка, а кто тебе сказал, что это он был королевской крови? — совсем уж тихо произнес бродяга. — Титул, знаешь ли, не всегда что-то значит...

— Постой... — Я взялась за голову. — Но ведь отец был из старой династии, его предки поколениями жили здесь! Мама родом совсем не из этих краев, и она была из благородной семьи, но не принцесса!

— А тебе почем знать, кто там среди ее предков затесался? — Бродяга подошел еще ближе и уставился на меня в упор. Глаза у него были чудные, будто вовсе без блеска, а сейчас, когда в них не отражалось пламя свечей, так и вовсе темные колодцы... — Говорю тебе, хозяйка: жива ты только потому, что твоя сестра родила девочку. Слышал я, она снова в тягости, и жить тебе и дальше, если снова родится девчонка. А вот если на свет появится мальчик да выживет, тогда уж...

Он выразительно провел пальцем по горлу.

В голове у меня сложилась версия: Рикардо вовсе не принц, а у нашей с Аделин матушки обнаружилось родство с чьей-то королевской фамилией, и так он хочет подтвердить свои притязания не только на наш престол, а и на соседский, к примеру. Будет у Аделин наследник, тогда Рикардо укрепит свои позиции, а иначе... Какие уж там могут быть доказательства — неведомо, но... В любом случае: зачем сохранять жизнь мне?

Видно, я произнесла это вслух, потому что бродяга ухмыльнулся и сказал:

— А ты не поняла, хозяйка? Ты ведь тоже королевской крови! Если королева еще разок другой принесет девчонок, а то еще, чего доброго, умрет родами, настанет твой черед. Ты же говорила: у твоего отца сыновья не заживались, и поди знай, по какой линии это тянется... Вдруг Рикардо не решится такую же дерзкую девицу наследницей воспитывать? Вдруг ему только сын нужен, откуда мне знать, какие у него на родине обычаи? А ты хоть и старше

сестры, но ненамного, что ему? Сама же сказала: подол на голову накинуть можно...

— Что-о?.. — негромко выговорила я, осознав сказанное. — Моя сестра ему племенная кобыла, что ли, уроду кособокому?! И я сама?.. А ну, пусти! Кому говорю! Не смей до меня дотрагиваться, ты!..

— Пальцем больше не прикоснись, только не кричи, — сдавленно попросил бродяга, вынужденно отступив на шаг. Драться меня выучили, и уж одному противнику я могла залепить куда нужно и без топора. Коленки у меня твердые, это все признавали.

— Вот ведь буйная... Точно, зваться бы тебе Бешеной Жанной!

— Мне нравится это прозвище, — процедила я, поправив платье.

— Куда ты сорвалась-то? Коня седлать, что ли? — Бродяга выпрямился и осторожно потянулся, видно, приложила я его крепко. — Не торопись, хозяйка. Рано еще.

— О чем ты? — нахмурилась я.

— Узнаешь, когда время придет. — Он снова заглянул мне в глаза, прищурился и кивнул каким-то своим мыслям. — Два по семь, значит... третий срок на исходе. Уже скоро.

— Что ты мелешь? — Я снова взялась за топорик, уж больно странно выглядел бродяга, когда бормотал эту чушь. А ну как он одержимый или припадочный? С таким и взрослый мужчина не враз справится!

— Говорю, пора мне, хозяйка, — обычным своим тоном ответил бродяга. — Задержался я. Благодарю за хлеб, за ласку... — Тут он ухмыльнулся. — Еще б одеяло какое прихватить, а то замерзнуть я не замерзну, ночи нынче и впрямь теплые, а вот камни — не перина, после ночлега все ребра в синяках!

— Да-да, понимаю, — вздохнула я. — Зашел попросить воды напиться, да так есть захотелось, что теперь переночевать негде?

— Вот не знал, что принцессы такие присказки слышали...

— Я и не такое слыхала. Ладно... бери что хочешь да уноси ноги. В самом деле, уже светает, а ты вроде собирался по холодку идти.

— Поесть я уже припас, — кивнул бродяга на свою котомку, — но вот от какой-нибудь попоны или овчины, хоть драненькой, не отказался бы.

— На конюшню не ходи, там собаки... кстати, а почему не лаяли собаки? — нахмурилась я. — Ты их не отравил, часом?

— Хозяйка, да за что же? — поразился он. — Они службу несут, жизнь их такая собачья... Нет. Просто секрет знаю, в нашем семействе от отца к сыну, от деда к внуку передается. На меня ни одна собака сроду не гавкнет!

— Ну... допустим, я тебе поверила, — нехотя кивнула я. — И все же — конюх спит чутко, а вилы у него под рукой. Или ты и конюхов усмирять способен?

— Чего не умею, того не умею. Ладно... выпросил бы покрывало с твоей кровати, да уж больно оно нарядное! И горничная хватится, куда запропастилось, верно? Не мыши же сгрызли... Обойдусь, не впервой.

— Как на кухню идти, помнишь? — вздохнула я. — По правую руку от лестницы еще одна кладовая, там зимние вещи хранятся. Вытащи что-нибудь из-под низу, туда складывают что поплоче. Но если наделаешь шума...

— Буду тише мыши, — заверил бродяга. — А если слуги заметят?

— Они в эту кладовую до зимы не полезут, а заметят — друг на друга свалят, ну а мне все едино не скажут. Кстати, можешь и серебра прихватить, оно в той же кладовой, в сундуке, — добавила я. — Приемов у меня тут не бывает, так что приборы теперь только

зимой чистить станут, и если пары ложек не досчитаются, опять же друг друга обвинят.

— Покорно благодарю, — серьезно сказал он. — Мне много не нужно, поднос с супницей уж точно не потащу!

— Бери и уходи поскорее. Думаю, если войти ты сумел, сможешь и выйти, — добавила я. — Иди себе поздорову. Спасибо за то, что рассказал.

Он кивнул, беззвучно приоткрыл дверь, но на пороге обернулся и сказал еле слышно:

— Я, может, еще загляну к тебе на огонек.

— Что?

— Огня, говорю, не туши пока. Я снаружи погляжу да посчитаю, которое окошко твое, а то дом уж больно мудрено построен, перепутать — как делать нечего. Этак вот промахнусь да влезу к твоей экономке, а она, сдастся мне, дюже злая! Добрых снов, хозяйка...

Я невольно улыбнулась, когда дверь закрылась за незванным гостем, потом подумала и заложила ее на засов, а топорик положила возле изголовья постели. И, что самое удивительное, уснула как ни в чем не бывало, словно не разговаривала полночи со странным бродягой! Околдовал он меня, что ли, в самом деле?

День шел за днем, за окном отгорело жаркое лето. Осень выдалась засушливой, и если бы не порыжевшие листья, можно было бы решить: сейчас июль месяц, так было тепло, а днем даже и жарко. Только ночи становились все длиннее.

В прошлые годы в это время уже случались заморозки и выпадал снег. В этом же — не всяким вечером разводили огонь в очагах. Я не люблю жару, а потому рада была возможности открыть окна и дышать свежим воздухом, благо комары уже давно пропали. Только ветер порой приносил откуда-то с перевала горький запах дыма, и это тревожило, напоминая о рассказах того странного бродяги.

Вот ведь! Я даже не спросила, как его имя! Впрочем, что мне за дело? Он ушел, прихватив, полагаю, сколько смог унести (уж конечно, я не пошла пересчитывать ложки рано поутру), и не вернется...

Но слова его все никак не забывались. «Королевская кровь» — он говорил это не просто так, а мой зять тоже неспроста появился в наших краях. Удивительно: я принялась вспоминать все, что знала о Рикардо, и этого оказалось до смешного мало! Единственный сын, несчастье для родителей, казалось бы... Но все твердили об уме и обаянии Рикардо, и его горб и хромота почти никого не смущали. Мать его, говорили, зачахла и умерла вскоре после рождения сына, а отец не женился во второй раз. Неужто настолько любил супругу? Даже если так, Рикардо был еще совсем мал, когда скончалась его мать, и нельзя было рассчитывать, что хилый болезненный младенец доживет хотя бы до пяти лет! Однако все вышло именно так: Рикардо остался единственным наследником своего отца... Почему? Нет ответа...

Что он позабыл в наших краях? Чем ему приглянулось наше королевство, будто своего не хватало? Или его отец решил все же потряхнуть стариной и взять молодую жену? Да нет, глупо: пока еще подрастут новые принцы с принцессами! С другой стороны, кто-то ведь может захотеть увидеть на троне не горбатого карлика (я забыла упомянуть: Рикардо не вовсе коротышка, но ниже меня на полторы головы, так согнул его горб), а обычного человека.

Если же семья молодой королевы будет достаточно влиятельна, то легко можно представить вероятный исход событий... Вряд ли Рикардо этого не понимал, он ведь действительно был неглуп. И что же, решил подстелить соломки на такой случай? Отчего нет?

Вопросы множились... Как Рикардо очаровал нашего отца и Аделин? Почему на меня почти не действует его странное обаяние? Что теперь творится в королевстве?

Бродяга рассказал много странного и даже страшного, но он, вечный странник, взглянул на все это со стороны, потому и подметил крохотные отличия от прежнего хода вещей. А те, кто живет здесь постоянно, годами не трогаясь с места, могли и не ощутить, что в их жизни что-то поменялось...

Пропали нищие? И хорошо, никто не просит дурными голосами подаяния и не хватает грязными руками за полы праздничной одежды, когда идешь в храм Создателя. Никак не достать приправ и кое-каких товаров, либо же продают их втридорога, не вдруг укупишь? Ничего, прежде без них жили, можно и теперь обойтись.

Что это для простого человека? Ерунда, ничего не значащая мелочь! Да и те же купцы поговорят, а потом забудут, занятые повседневными заботами...

Я боялась, что, вернувшись в столицу, могу не узнать ее, города, в котором родилась и выросла. Может, оно и к лучшему, что я не могла попасть туда...

— Госпожа, — постучала в дверь экономка, — тут отряд гвардейцев прибыл, просят определить на постой.

— Что? — Внутри у меня все оледенело. — Откуда они взялись и что им нужно?

— Главный сказал, ловят каких-то разбойников, — пояснила она. — Их видали в этих краях, вот отряд и прислали к нам. И то: у нас слуг всего ничего, не отобьемся, если нападут. Так-то всяко спокойнее! Что прикажете?

— Пускай за оградой ночуют, — ответила я. — Не замерзнут, поди, ночи еще теплые. Надеюсь, припасы они с собой привезли?

— Да, госпожа.

— Вот и прекрасно. В доме все равно места всем не хватит, так что пускай отдохнут на свежем воздухе. И скажи, пускай будут поосторожнее с огнем, кругом такая сушь — одной искры хватит, чтобы спалить все поместье!

— Непременно передам, госпожа. А их командир хотел вас видеть...

— А я его видеть не желаю, — отрезала я. — Поди прочь.

Она вздохнула и ушла, а я опустилась в кресло, обхватив себя руками. Неужто это... то самое? У Аделин родился сын, и я больше не нужна? Или, того хуже, сестра умерла и я понадобилась королю? Что делать? Теперь и не сбежишь: если тут встанут лагерем гвардейцы, мимо них и мышь не прошмыгнет, куда уж всаднику, а без коня и бежать нет смысла, вмиг нагонят!

Впрочем, если бы я понадобилась так срочно, меня не спросили бы, кинули поперек седла или там на телегу да увезли в столицу. Может, эти служивые в самом деле ловят разбойников? Или... или объявился кто-то, узнавший или вспомнивший обо мне, и теперь гвардейцы не охотятся за лихим народом, а сторожат меня от тех, кто мог бы меня выручить? Как знать...

Бродяга ведь говорил о верных людях, а я сказала: их нет. Но вдруг остался хоть кто-то? Может, это он дал кому-то знать? Я ведь называла имена Саннежи и его младшего брата, не так уж сложно его найти! И если Даллерен выслушал незнакомца...

Увы, вопросов по-прежнему было больше, чем ответов. Я все-таки пригласила командира отряда, Эйнарваром Маррисом его звали, на обед, но этим и ограничилась. Он и сам чувствовал себя не в своей тарелке, беседу поддерживал с трудом, ел через силу и поспешил откланяться. И это он еще не видел моего лица — я озаботилась надеть густую вуаль, и, хоть она мешала наслаждаться трапезой, собеседник хотя бы не пугался моего вида.

Впрочем, помнится, бродяга не испугался... Да что я все вспоминаю о нем! Правда, что ли, околдовал?

Так или иначе, Маррис — он был не намного старше меня, симпатичный молодой человек из хорошей семьи, я помнила его отца, — ничего не смог мне поведать. Да, в здешних краях объявились разбойники: уже ограбили два каравана с дорогими товарами, потом угнали из деревни поблизости от поместья несколько коров и овец... Хотя, осторожно предположил он, крестьяне могли продать скотину, а заявили об их пропаже, чтобы получить немного денег от доброго короля Рикардо — он ведь обещал вспомоществование всякому, кто пострадает от лихого людя!

Конечно, согласилась я, с простолюдинами держи ухо остро, не то вмиг надуют, мне и отец об этом говорил...

При упоминании моего отца командир Маррис сник и поспешил распрощаться, а впредь не напрашивался в гости. Мне показалось, будто что-то гнетет его, но поговорить случая не представлялось: он со своими подчиненными днями напролет прочесывал леса и скалы в поисках мифических разбойников (а я все больше уверялась: он стремился не подпустить к поместью чужаков, иначе что делать здесь столько времени?). Вечерами они жгли костры, но береглись, как я и велела, — достаточно было искры, чтобы вспыхнул лесной пожар, это все понимали.

Так миновало еще несколько недель, и вдруг экономка снова постучала в мою дверь.

— Госпожа, припасы привезли.

— Прекрасно.

— Возчики просят на ночлег. У одного по дороге лошадь расковалась, вот они и припозднились, а обратно потемну ехать боятся, говорят, волков слышали, да и разбойники тут бродят... Позволите?

— Какая мне разница? — отозвалась я. — Ты распоряжаешься — ты и решай. Не хватало мне еще о возчиках думать... Писем не привезли?

— Нет, госпожа, — ответила она, потопталась под дверью, вздохнула и удалилась.

Надо же, как время летит, мне казалось, припасы совсем недавно привозили... Впрочем, какая мне разница?

Я вновь и вновь возвращалась к своим раздумьям.

Чью именно кровь имел в виду бродяга? Уж родословную отца я знала наизусть до пятнадцатого колена, и хоть королевский род начался, как это часто случается, с младшего сына некого рыцаря, ну так и что ж? Будто Создатель от начала мира указал: ты и твои потомки навечно будете крестьянами, а твои — королями! Во все времена сильные и храбрые, умные и хитрые захватывали власть... Конечно, простому землепашцу на трон не сесть... если кто-нибудь его не посадит, а и такое случалось. Ну а в схватках родовитых вельмож за корону и вовсе ничего удивительного нет, достаточно почитать хроники...

А вот матушка моя происходила из рода древнего, уважаемого, но не прославленного. Родословная ее была длиннее отцовской, но пышное когда-то семейное древо зачахло и перестало плодоносить еще в те времена, когда отцовское лишь вошло в полную силу. Она, если не ошибаюсь, была последним ростком на увядшем гиганте, и если вдруг осталась на свете какая-то дальняя родня, то мама ничего о ней не знала.

«Может быть, род угас именно потому, что рождались в нем обычно девочки? — подумала вдруг я. — Когда-то давным-давно мужчин принимали в род, если не было сыновей, но теперь так поступают очень редко».

Отец ведь не назвал Рикардо сыном, хоть и сделал своим преемником! А зять — это не совсем то, если он умрет, Аделин сможет выйти замуж еще раз... Или даже не раз, как наша троюродная бабушка, красавица Элеонора, которая схоронила девятерых мужей!

А если у Аделин снова родится девочка, будет ли это означать, что такое проклятие лежит именно на семье нашей матери? Или же станет совпадением?

Ах, окажись сейчас со мною рядом главный герольд, важный старик, знавший родословные и обычаи нашего королевства и соседних от и до, он мог бы что-то подсказать, но, увы, Арнольд был далеко... если не умер еще. Ему могли и помочь: повторюсь, знал он даже слишком много, и Рикардо это могло не понравиться. Жаль, я не догадалась расспросить Арнольда еще тогда, до ссылки! Вдруг он рассказал бы что-то о семействе Рикардо? Даже мелочи порой бывает довольно, а герольд не имеет права упускать эти

мелочи, потому как ошибка, скажем, в чем-то титуловании может стоить ему головы...

«И не вздумай лгать, что тебя тоже околдовали, — мысленно произнесла я. — Ты просто была вне себя от ярости, рвала и метала, а потому плохо соображала. Держи ты себя в руках, может, и успела бы что-то изменить, но ты сперва растерялась, потом сорвалась, ну а затем стало слишком поздно... Хорошенькую же наследницу воспитал себе отец! Может, он и впрямь понял, что нечего такой невыдержанной и взбалмошной особе делать на троне, потому и приветил Рикардо?»

Эта мысль больно уколола меня, и я невольно помотала головой, отгоняя ее. Нет, отец всегда требовал от меня сдержанности, говорил, что с годами я сделаюсь уравновешенней, но неужели... Неужели на самом деле он только и искал случая, чтобы предать меня? Отдать замуж за кого-то, чей нрав оказался бы круче моего, кто сумел бы смирить меня? Или сделать вот так: оставить все мужу кроткой Аделин, младшей дочери. Младшим дочерям в сказках всегда достается счастье и богатство, а зловредным старшим — в лучшем случае забвение, а в худшем...

— Ты что, плачешь, хозяйка? — раздалось от окна, и я вздрогнула. — Нашла время!

— Я не умею плакать, — зачем-то сказала я и потом только сообразила, где уже слышала этот голос: — Ты?! Откуда ты взялся?

— Я же сказал: загляну как-нибудь на огонек, — улыбнулся бродяга, невесть как очутившийся в моей комнате. Ах да, окно же было открыто настежь! Но как он ухитрился забраться в него совершенно бесшумно? — Держи-ка...

— Это еще что? — недоуменно спросила я, приняв охапку веток с тяжелыми алыми гроздьями.

— Думал цветов тебе нарвать, а какие цветы по осени да в такую сушь? — пожал он плечами. Лицо его, казалось, сделалось еще темнее от загара, хотя поди разгляди наверняка в таком освещении! — Только вот рябина с калиной нашлись да шиповник еще цветет. Осторожно, не уколись!

— Спасибо, что предупредил, я уже... — невнятно ответила я, по старой, почти забытой привычке (за которую матушка, случилось, била меня по рукам) сунув палец в рот и ощутив солоноватый привкус крови.

— Вроде в лопух завернул, ан поди ж ты! — сконфуженно произнес бродяга, взял у меня свой веник, огляделся и ловко рассовал рябиновые ветки по углам, над окном и над дверью, а шиповник с калиной воткнул в кувшин для умывания. — Вот так...

— Это еще зачем? — удивилась я.

— Говорю же, принес вместо букета. Там, в горах, оранжерей нету, что нарвал, то и нарвал. А шиповник — из-за перевала, там еще теплее, чем здесь, — добавил он.

— Как же ты его донес? — Я посмотрела на мелкие душистые цветки. Они немного завяли, но пахли сильно.

— Нес, нес и донес, в жбан с водой поставил да пошел себе, а хожу я быстро, — ухмыльнулся бродяга. — Он живучий, чего ему сделается? Ну, привял маленько, только слаще пахнуть стал!

— Ну... спасибо тебе, хоть и не знаю, с чего вдруг такая честь, — выговорила я.

— Так в эту ночь ты родилась, хозяйка, забыла, что ли?

— А ты откуда...

— Выяснил, дел-то, — хмыкнул он и без позволения присел на подоконник. — Не все еще, оказывается, забыли принцессу Жанну. Старый герольд пьет, как будто в бочку сливает,

но я таки дознался кое о чем.

— Он жив?! Только сейчас о нем думала! — воскликнула я.

— А что ему сделается? Жив, только на покой ушел. Не ко двору, видно, пришелся, а еще и запил, язык заплетается, руки трясутся...

— Арнольд — запил? — поразила я. — Быть не может! Герольд любой титул, любое заморское имя должен выговорить без запинки, ему и пить-то нельзя...

— Уж прости, хозяйка, я ему выпивку ставил, видел вот как тебя, — развел руками бродяга. — Зачем мне об этом-то врать?

— В самом деле... Что ж, благодарю за поздравление. Только зачем украшать комнату?

— Затем, что ночка сегодня не простая, — Бродяга прикрыл окно. — Бродят всякие, понимаешь, поди знай, чего услышат да где разболтают. Или ты в эти... хм... старухины бредни не веришь?

— Я даже в толк не возьму, о чем ты, — покачала я головой.

— Ах вон даже как... Ну, тогда знай одно: сегодня перелом осени, год на зиму поворачивает. В такие ночи нечисть бродить-колобродить любит. Угораздило ж тебя именно в эту пору родиться... может, неспроста, — добавил он. — Ну а рябины нечисть боится. Шиповник — тот растет сразу в двух мирах, двери запирает, а уж где крапива растет, там нечисть вовсе не пройдет!

— Понятно... — пробормотала я, разглядев в пучке шиповника несколько крапивных стеблей. — Только это все придется убрать, прислуга заметит.

— Утром можно будет выкинуть, — серьезно кивнул он и умолк.

— А как сюда попал?

— Какие двери да замки внизу, я еще тогда разузнал, так что мимо нужной лестницы не промахнулся, — сверкнул он улыбкой. — Да только у тебя дверь на засов заложена, пришлось через окошко лезть, не стучать же. Хорошо, я его еще в тот раз заметил...

— А зачем пришел-то? Меня поздравить, выпить и закусить?

— И это тоже. — Улыбка бродяги погасла.

— Тогда хоть скажи, кого благодарить, ты ведь не назвался. Как твое имя?

— Да кому как нравится, так и кличут, — пожал он плечами.

— Но ведь как-то тебя родители называли?

— Как-то называли, да это давно было, я позабыл. — Он криво ухмыльнулся. — А с тех пор немало воды утекло.

— Позабыл, надо же... Будто ты намного старше меня, — покачала я головой. — Ну ладно! Как тебя называют люди?

— Рыжим, неужто догадаться трудно? — Бродяга улыбнулся шире и встрепал свои космы. — Матушка, пока маленьким был, Искоркой звала, потом Огоньком. Но ты лучше называй Рыжим, хозяйка, не промахнешься! Такую масть, как у меня, поди поищи...

— Но это все прозвища, — вздохнула я. — Ну... как знаешь. Рыжий — так Рыжий. Спасибо тебе. Заявишь, поди, что в такие ночи именами не бросаются?

— А как же. Ими и вовсе не разбрасываются, и ты это не хуже моего знаешь, — серьезно ответил он. — Или, скажешь, не принято у благородных такого: одно имя для людей, другое — для семьи? Тебя ведь взаправду не Жанной зовут, верно?

— Верно, — кивнула я, удивившись. — Обычай такой, вот и...

— Именно что обычай. Настоящее имя только родители знают, ну разве что еще самые близкие люди. Бывает, и мужу с женой не говорят... — Рыжий вздохнул. — У благородных

особенно. Ну или просто, если брак по расчету: вдруг супруг злоумышлять начнет, а через имя многое сделать можно... И братья с сестрами тоже редко имена друг друга знают, а то как начнут наследство делить или, бери выше, трон — мало не покажется! Твоя сестра вот знает твоё имя?

Я покачала головой.

— Его только мама знала. Даже отцу не говорила и мне запретила. А вот мне имя сестры назвала, когда поняла, что умирает... Сказала, теперь только я смогу присмотреть за Аделин... Хорошо же я выполнила её волю!

— Да кто ж знал, что дело так обернется, — пробормотал он. — А ещё кто-нибудь? Ты и отцу не открылась?

— Нет. Я же обещала маме. Вот Саннежи знал... — Я посмотрела в сторону. — И я его имя знала. Но он умер.

— А имя сестры ты кому-нибудь называла?

— Конечно же нет. А вот она могла сказать мужу...

— Да, верно, сходится... — Рыжий помолчал, потом сказал: — Я тебе дурные вести принес, хозяйка. То есть привез. С припасами вместе.

— Постой, так ты... — Я осеклась, потом догадалась, в чем тут дело. — А настоящий возчик где?

— Я его в надежном месте оставил, он сыт, пьян и всем доволен, — заверил тот. — На обратном пути на козлы посажу, авось лошадь его до дома довезет.

— А остальные? Сюда же не одну подводку присылают!

— Да уж, кучеряво живете... Народу всего ничего, а возы с верхом нагружены! Не заметили ничего остальные. Я бороду приклеил, рожу завязал — вроде как зубы болят, а сам всю дорогу байки травил.

— И подкову... тоже ты?

— Ну так, для верности. Камушек подсунул, лошадь и захромала. К утру в порядке будет. Но я и без того своими сказками запугал бедолаг так, что они на ночлег попросились. Экономка сказала, ты дозволила. Они на возах спят. Охрана твоя проверила — все путь-путем, чин-чинарем.

— Это не охрана, — выговорила я. — Это тюремщики. Похоже, ты был прав, Рыжий...

— Конечно, — охотно согласился он, — я частенько угадываю, что к чему. Но этот командир... Маррис, кажется? Он человек не вовсе дурной...

— Мне показалось, он ещё помнит моего отца.

— Помнит, — заверил бродяга. — Потому и вызвался охранять твоё поместье. Сюда мало кто рвется: места глухие, трактиров с красивыми девками и за три дня пути не сыщешь, а за лесными разбойниками охотиться, этих самых лесов не зная, — все равно что головастика в тине руками ловить.

— Быть может, он чем-то провинился, вот его сюда и сослали? — предположила я, видя, что Рыжему известно побольше, чем мне.

— Если Маррис чем и провинился, так только тем, что его отец короля Эмиля не забыл, — серьезно сказал Рыжий. — Уехал прочь в свою глушь, не пожелал служить королю Рикардо, да ещё и обругал его всяко-разно на прощанье... А сын уже в гвардии был. Конечно, сын за отца не ответчик, но глядят на него теперь, сама понимаешь... Вот и загнали в эти края — дескать, отличишься, забудут обо всем, снова чистеньким станешь. Он и рад выслужиться!

— Не лги, — сказала я. — Он не такой. Я с ним говорила всего раз или два, но мне показалось, будто это задание для Марриса — тяжелая повинность, которую он вовсе не хочет выполнять, но должен, иначе случится что-то скверное.

— И снова ты права, хозяйка, — кивнул бродяга. — Тебя не проведешь. Паренек в самом деле думал, будто его за разбойниками посылают, да только к нему помощник приставлен, немолодой уже, опытный, он и проговорился как-то: на самом деле на разбойников всем чихать, а вот поместье надо охранять... И не за тем следить, чтобы злодеи принцессу Жанну не зарезали в постели, а наоборот — чтобы сама принцесса не скрылась ночью порой. Маррис, — добавил он, — тебя хорошо помнит. Умницу Жанну. Он твой ровесник. Он в тебя влюблен был.

— Если так, мог бы помочь, — обронила я.

— Я же сказал: его отец с королем Рикардо не в ладах, — с нажимом повторил Рыжий. — Парнишка за него боится. Да что там! Бедолаге прямо сказано: будешь фордыбачить, отца живо на плаху отправят, как изменника!

— А ты откуда знаешь? — прищурилась я.

— Я же бродяга, — усмехнулся он. — Там услышал, тут расспросил, кое-что ветром принесло, вот и...

Он умолк, я тоже молчала.

— Ты не голодный? — спросила я, наконец.

— Да что ты! Нас уж накормили — пустой кашей с черствой горбушкой, и это после того, как мы всю дорогу окорока, сыры да колбасы нюхали и слушали, как пиво в бочонках булькает... Но я на кухне побывал, так что сыт, — ухмыльнулся он.

— Ну, от меня не убудет... Довольно о колбасе! Что за новости ты привез? — припомнила я. Вот так человек безо всякого колдовства может зубы заговорить!

Бродяга помолчал, потом сказал неожиданно серьезно:

— Твоя сестра родила до срока. Двойню. Мальчик на свет появился уже мертвым, а девочка два дня прожила и тоже скончалась. Сама Аделин... — Он почесал в затылке и добавил: — Плоха она, одним словом. Сперва в горячке лежала, но выкарабкалась, только слаба очень. И лекари говорят, еще одного раза она может не пережить.

— Лекарей ты тоже в кабаке напоил?

— Зачем самих-то? У них слуги имеются, вот их... Потом поспрашивал в городе у бабок-повитух, они тоже мигом все узнают. Да и когда в первый раз Аделин разродиться никак не могла, а ученые доктора руками только разводили, позвали одну такую старуху, она мигом все поправила, секреты какие-то знает. Она тогда уж сказала, что у сестры твоей нутро сильно порченное, и больше ей не родить. Но пришлось ей и во второй раз к королеве идти...

— Это в каком же смысле — порченное? — не поняла я. — Аделин больна? Я об этом ничего не знаю, мне только сообщили, что родилась Эмилия, сестра жива-здоровая, а как все было на самом деле... ни слова!

— Не в болезни дело, — помотал он головой, и отросшие патлы сверкнули тусклой медью в неярком свете. — Был я у той бабки, и так улещивал, и этак, денег предлагал... Нет, молчит, только мычит, мол, сильная порча, больше она и близко не подойдет, хоть режьте, хоть ешьте! Ее в этот-то раз чуть не на руках несли, своими ногами идти не желала, а за шиворот потащить побоялись: этак проклянет еще, бездетными сделает...

— Ничего не понимаю.

— А я так и тем более. Только, думаю, король жену не пожалеет. Третьего раза, говорю, она не переживет. Она. Ребенок — как повезет. Ну а если и тогда не выйдет...

— Настанет мой черед? — негромко спросила я, и бродяга кивнул. — Послушай-ка, что расскажу!

Я только что думала об этом, вот и поведала о семье моей матери, о том, почему угас ее некогда многочисленный род. С Аделин было то же самое, что с мамой, возможно, так дело пойдет и со мной...

— Я слышал от одного старого сказителя по ту сторону моря, — произнес бродяга, выслушав меня, — что прежде умели проклинать на славу: не одного человека, а весь его род до двадцатого колена. Хотя бы и вот таким: «Не видать тебе сыновей-наследников!» Или вовсе — детей... Только и оставалось, что плодить бастардов и принимать их в род или вовсе брать приемышей. Видно, и здесь то же самое. Не может же быть, чтобы за столько поколений не родилось ни единого здорового мальчишки!

— Но так и вышло, — сказала я. — Ты прав, принимали в семью племянников, двоюродных, вовсе уж дальнюю родню, но как только это случалось — их будто злой рок преследовал. Раз или два сложилось удачно: нарекли родовое имя уже женатым мужчинам, с детьми, но проклятие — если это было оно — все едино настигло их сыновей, а у самих этих людей мальчишки больше не рождались.

— Вон оно что... — Бродяга потер заросший подбородок. — Ох и наперепутано же заклятий с проклятиями!

— О чем ты?

— Да о том, что на Рикардо, похоже, тоже что-то такое висит... — пробормотал он. — Тебе, наверно, опять не сказали. Принцесса Эмилия — хромая и слепая на один глаз.

— Что?! — вскрикнула я.

— Та бабка сказала, что ее приняла. Говорит, у девочки одна нога короче другой, и сильно, вдобавок кривая и вывернута как-то хитро. Но ногу под юбкой не видно, может, каблук спасет. А что она одним глазом ничегошеньки не видит, скрывают как могут, но это тоже заметят рано или поздно.

— Создатель, что же это такое... — пробормотала я. — Может, это лекари так постарались? Или повитуха со своими секретами? Говорили же, что Рикардо уронили, потому у него и горб вырос!

— О нем ничего не знаю, а Эмилию та повитуха приняла уже такой. Хуже того, когда я бабку напоил, она проговорила: вот мальчонку едва удержала, как увидела. Ему, правда, уже не повредило бы, говорю же, мертвым родился, но...

— А с ним что было?

— Да что-то вовсе уж скверное, — покачал головой бродяга. — Бабка выла что-то вроде «костей нет, костей нет, мешок из кожи!», — но она уж пьяная была. А девочка вроде родилась нормальной, но очень слабенькой, потому и не выжила. Слишком долго своей очереди дожидалась, королева-то выбилась из сил, вот и... — Он развел руками.

— Бедная Аделин... — прошептала я. — Не знаю, проклятие это или злое колдовство... я уже во все готова поверить! У нашей матери выжили только мы с сестрой, но мы обе здоровы, а братья, хоть и умерли во младенчестве, тоже были без внешних изъянов, это точно... Создатель, какая разница! Кровь ли Рикардо виновата в этих... уродствах, наша ли, что-то другое, не важно! Он ведь все равно что убивает мою сестру!

— Ты сказала, она завидовала тебе, — негромко произнес бродяга. — Нехорошее

чувство — зависть...

— О чем ты? — Мне стало не по себе.

— О том, что нужно быть осторожнее со своими желаниями, — сказал он без улыбки, а тени на его лице обозначились резче. — Аделин завидовала тебе, старшей дочери, любимице отца, наследнице престола... И любви князя к тебе она завидовала тоже, уверен, пусть и была еще сопливой девчонкой. Не важно, что ему в невесты прочили ее... будто она не понимала, что вы с нею похожи только лицом!

— У меня нет больше того лица... — прошептала я.

— Вот именно. Нет лица, нет отца, нет короны. И князя тоже нет.

— Я тебя не понимаю. — Кажется, голос у меня дрожал, но именно потому, что я начала догадываться. — Не говори загадками, прошу!

— В такие ночи говорить напрямую нельзя, — ответил он, — мало ли кто услышит. Я сказал уже довольно, ты и сама можешь сложить эту мозаику.

Я помолчала, потом сказала шепотом:

— Аделин не глупее меня, только воспитана иначе. Я ведь говорила: отец обучал меня так, словно я была мальчишкой, а Аделин осталась маминой любимой девочкой... А ей, верно, тоже хотелось носиться верхом и драться на палках. А даже если не хотелось, то... меня отец брал на охоту и позволял загонять дичь и стрелять, и я как-то обставила Саннежи, хотя, думаю, он просто поддался. Аделин же с другими дамами могли только наблюдать со стороны: далеко ли ускачешь по лесу в треклятой юбке! Меня отец взял с собой за море, а не ее...

— Ты говорила, — кивнул Рыжий, глядя на меня со странной грустью.

— Потом умерла мама, которая не делала между нами особенных различий, — продолжила я. — Затем я лишилась своего лица. Если бы не Саннежи и отец, я полезла бы в петлю, но оба они сделали все, чтобы я выжила... Кажется, князь чуть ли не год жил у нас, не все время, но наезжал часто и надолго, я помню... Помню, чуть что — звали его, а он как-то ухитрялся меня успокоить. У отца не получалось. А Саннежи понемногу заново научил меня улыбаться...

— Князь в самом деле тебя любил, — едва слышно сказал бродяга.

Я кивнула, стараясь не вспоминать скуластое лицо — хоть сейчас чекань на монетах! — раскосые темные глаза и точно такую же, как у Рыжего, белоснежную улыбку.

— Любил. Сопливую девчонку... Если б я не была так горда, то, может, согласилась бы выйти за него, а не предложила вместо себя Аделин. Дескать, лицо то же самое, как у меня прежде, а поговорить ты можешь и со мной...

Я закрыла глаза ладонями.

— Вместо себя... Аделин снова оказалась... второго сорта! Меня Саннежи готов был взять даже такой, с этим вот... вместо лица, а она оставалась всего лишь моей сестрой! А потом... потом...

— Появился Рикардо.

— Да. И я лишилась отца. И сразу же — короны. Спасибо, жизнь пока еще при мне, хотя что это за жизнь?

— А вот так говорить не нужно, — серьезно сказал Рыжий. — Особенно сегодня. Этой ночью ты получаешь жизнь заново, забыла? Ты же родилась...

— Я помню, — кивнула я. — Как ты сказал? Дважды семь, третий срок на исходе? Я не сразу поняла, о чем ты.

— Но догадалась все-таки?

— Возможно. Мама умерла, и это... — я коснулась лица, — произошло в мой четырнадцатый год. Сегодня мне исполняется двадцать один. Только не говори, что ты дух, и не вздумай болтать о наказании за мою гордыню, искуплении и прочей дряни! Я в это не верю.

— Я и не собирался, — сказал Рыжий. — И я вовсе не дух, можешь меня потрогать.

— Я тебя обоняю, а духи-посланники не должны вонять костром и... не знаю, даже, чем еще! — фыркнула я. — Ну что ж, надо закончить? Появился Рикардо, и желание сестры исполнилось окончательно, так? Она получила мужа, умного и обаятельного, сама стала блистать в свете не только красотой, если я верно поняла, но и умом. А старшая злюка-сестра, уродина Жанна, сгинула с глаз долой. Но только, — я подняла взгляд на бродягу, — за желания ведь нужно расплачиваться, верно я понимаю?

Он молча кивнул.

— Кто-то исполнил мечты Аделин?

— Да. И я знаю, как это случилось.

— Как же? — Я не стала спрашивать, откуда ему это известно. Если сегодня особенная ночь, то...

Рыжий помолчал, потом медленно произнес:

— Я скажу, но сперва припомни, хозяйка, не случилось ли чего-нибудь на твой седьмой год жизни?

Я глубоко задумалась, потом покачала головой:

— Право, не помню...

— А если подумать хорошенько? — Он сощурил темные глаза. — Вспоминай. Ведь наверняка твой день рожденья отмечали, дарили тебе подарки, как положено? Может, кто-нибудь вручил тебе необычный дар? Или пообещал что-то? Я понимаю, ты была еще совсем мала, но дети обычно помнят такие праздники и подарки! Даже я вот помню, как на мой пятый год дед вырезал мне особенную свистульку: она звучит как трель жаворонка, ни у кого из ребятни такой не было... — Рыжий похлопал себя по груди (в вырезе рубахи виднелся грубый шнурок) и добавил: — Она и теперь со мной.

Я молча уставилась в пол.

— Не помню...

— Хочешь, помогу? — негромко произнес он. — Не бойся я тебе вреда не учиню...

— А ты не колдун, часом? — спросила я. — Хотя ты не сознаешься, даже если и так!

— Не колдун, — улыбнулся Рыжий. — Так, знаю кое-какие фокусы... Ну что, попробуешь припомнить?

— Почему бы и нет, — вздохнула я, а он вдруг поднес к самому моему лицу горящую свечу. — Ты что...

Он дунул на огонь, язык пламени полетел мне в лицо, и я, вскрикнув, отшатнулась и закрылась руками...

...Огонь полетел мне в лицо, я вскрикнула и вскинула руки, закрываясь от режущего пламени, но оно не достигло меня, рассыпалось искрами, а огнедышащий человек отвернулся и снова поднес факел ко рту.

— Чего ты так испугалась, принцесса? — ласково спросил незнакомый юноша, склонившись ко мне. — Это просто фокусник. И уж будь уверена, если хотя бы искра попадет на тебя и испортит твой наряд... я уж умолчу об одеяниях твоих уважаемых

родителей, ему не поздоровится. Впрочем, он напугал тебя, а потому ему не миновать плетей... Эй!..

— Стой! — Я схватила его за руку. — За что это ты хочешь наказать его? Я сама виновата, что испугалась... В другой раз не буду бояться! Прикажи ему еще раз сделать так!

Отец засмеялся, а Саннежи — ну конечно же, это был Саннежи, я впервые увидела его на празднике в честь своего дня рождения! — хлопнул в ладоши, и огнедышащий человек подбежал к помосту, где были установлены пышно украшенные родительские троны и сиденья гостей.

Огонь снова полетел мне в лицо, я почувствовала его жар, но на этот раз не двинулась с места и не зажмурилась. Отец всегда учил меня: если упала с коня или в воду, да хоть с забора — повтори, что собиралась сделать, иначе никогда не переборешь страх!

— И вовсе не страшно! — сказала я, вздернув нос, хотя сердце у меня билось как птица в клетке, а отец расхохотался.

Ему вторил рослый седобородый мужчина в богатых одеждах — отец Саннежи, старый князь, наш гость.

— У тебя растет достойная наследница, мой друг! — сказал он. — Пожалуй, такой будет по силам объездить дикого жеребца, когда она немного подрастет!

— Однако не всякому наезднику окажется по силам обуздать такую норовистую кобылицу, — в тон ему отозвался отец, и они переглянулись со значением, а Саннежи смущенно улыбнулся и подал мне руку, отводя от края помоста.

Я же повернулась и исподтишка показала язык Аделин, так прижавшейся к матушке, что ее почти не было видно в пышных складках праздничного королевского платья.

Только спустя годы я узнала, что это были настоящие смотрины: на родине Саннежи девочек стоваривают очень рано, но забирают в дом мужа, только когда его родители удостоверятся: выросла в самом деле достойная девушка. А то ведь и в уважаемом семействе может уродиться никчемная белоручка, которой лишь бы ворон считать!

— Ты очень смелая, — сказал он, сев подле меня. — И красивая. Счастлив будет тот, кто назовет тебя своей невестой!

— Аделин тоже красивая, — ответила я, кивнув на сестру, притаившуюся возле мамы. — А я вовсе не желаю замуж!

— Почему же?

— Мальчишки все грубияны, — ответила я, хотя из мальчиков своего возраста знала тогда только слуг, а они и впрямь не всегда могли похвастаться хорошими манерами.

— А как же я? — весело спросил Саннежи, и в его темных глазах заплясали огненные искры. — Разве я грубиян?

— Но какой же ты мальчишка? — удивилась я. — Ты взрослый!

— Принцесса видит суть вещей, — подал голос старый князь, — Саннежи в самом деле уже назван мужчиной.

— Я рад буду принять его в своем доме, — ответил отец. — Жанна? Что нужно сказать?

— А ты умеешь стрелять из лука? — жадно спросила я.

— Конечно, — ответил Саннежи и улыбнулся еще шире.

— А метать ножи?

— Несомненно. А еще я умею ловить диких лошадей арканом и объезжать их. И своего ловчего ястреба я взял птенцом из гнезда и выучил сам. Хочу еще добыть детеныша дикого лесного кота и натаскать на охоту...

— Тогда оставайся, — милостиво разрешила я, и взрослые опять рассмеялись, — но только если возьмешь меня на охоту, а то папа говорит, что еще рано!

— Уже нет, — улыбнулся отец. — С днем рождения, дочка!

Аделин смотрела на меня из складок маминого платья блестящими от слез глазами. Ее день рожденья — сестре исполнилось пять — справляли недавно, ей надарили множество чудесных фарфоровых кукол и тонкой работы домиков для них, где даже золотая утварь была с ноготок размером, гору прелестных платьев, прекрасных книг с цветными гравюрами, уйму сладостей, комнатную собачку, котенка и канарейку в клетке...

Отец подарил мне старинный кинжал, тогда сходявший для меня за меч (он и теперь был при мне), пару подброшенных охотничьих псов, а от Саннежи я получила в подарок лошадь, маленькую кобылку, совсем молоденькую, двухлетку, очень норовистую. Ну да мне было не занимать упрямства, и как ни ахала мама, увидев мои синяки и ссадины (рыжая лошадка отменно брыкалась и пребольно кусалась), я не сдалась до тех пор, пока не приучила Тви к себе. Тви — так на родине Саннежи называют лошадей: позови правильно — никто и не догадается, что это человеческий голос, а не ветер посвистывает в траве и не птица кричит...

Тви уже не было со мной. Лошадиный век короче человеческого, и, хоть некоторые кони доживают и до тридцати лет, и даже до полусотни, моя рыжая кобылка уже ушла к самому первому своему хозяину, к тому, кто принял ее когда-то у матери, к Саннежи. У меня остался только ее последний сын — красавец Тван. Он был иной масти и изрядного роста, но того же нрава, и, хоть конюхов худо-бедно терпел, сесть на себя никому, кроме меня, не позволял...

— Хозяйка, — негромко окликнул Рыжий, и я увидела огненные искры в его глазах. Заснула я, что ли? — Ты что-то вспомнила?

— Да... — Я отвернулась. — Мой седьмой день рождения. Праздник... Там я впервые увидела Саннежи... Наверно, именно тогда Аделин начала завидовать мне по-настоящему. Это я была сорванцом, а она — настоящей принцессой, это ей должен был достаться прекрасный принц, а Саннежи...

— Он хотел тебя, — просто сказал бродяга. — Не принцессу. Тебя, хозяйка.

— Так не бывает, — улыбнулась я сжатыми губами. — Наш брак был выгоден, вот и все. Саннежи просто следовал приказу отца. Юноша в четырнадцать лет не мог влюбиться в девочку вдвое моложе себя. Позже, когда я подросла, дело другое, но...

— Не обманывай себя. В отблесках того праздничного огня он увидел, какой ты станешь всего через несколько лет, и все решил для себя. Думаешь, ему не предлагали других невест? — неожиданно серьезно произнес Рыжий. — Да еще каких! И родовитых, и умных, и красивых, и покорных... Никого он не пожелал. Знаешь, почему он почти все время проводил у вас?

— Почему же?

— Саннежи отрекся от права на престол, — помолчав, ответил бродяга. — Он сказал: не могу разорвать душу надвое, легче умереть. Не могу остаться дома и не думать каждый миг, что с моей нареченной. Не могу быть с ней и не беспокоиться, что делается сейчас на родине... Отец понял его и отпустил. Он знал, как Саннежи любил тебя... У князя есть еще трое младших сыновей, Деллерен правит теперь, род всяко не угаснет. А...

— Откуда ты это взял?! — вскричала я, вскочив на ноги. — Ты придумал это! Не могло такого быть, никогда бы он так не поступил... Ну скажи... скажи, что это неправда, иначе...

— Иначе — что? — спросил Рыжий, глядя на меня в упор. — Скажешь, что это ты убила его? Нет, хозяйка, не ты. Ты его ранила — гордостью своей и злостью, но он любил тебя по-настоящему и понимал, почему ты так поступаешь. Он сумел бы сладить с тобой, если бы ему хватило времени. Говорю тебе — Саннежи отказался от прав на престол. Он, при всей своей гордости, стал бы твоим консортом, если бы ты позволила. А ты бы позволила, ведь так? Ты бы передумала в последний момент, и он разорвал бы помолвку с Аделин...

— Я не знаю... — Я закрыла лицо руками. — Что толку теперь говорить об этом, если его уже нет? Никого больше нет...

Тяжелые руки легли мне на плечи, я повернулась и уткнулась лицом в грубую куртку. От бродяги пахло... бродягой. Дымом костра, осенней прелью, сухой и мерзлой травой, почему-то железом, конским потом, псиной и им самим, конечно.

Пусть так. Я не могла плакать, но не хотела, чтобы он видел, как у меня дрожат губы.

В последний раз меня так обнимал отец. Да, верно, это было на похоронах Саннежи, и там очень похоже пахло гарью и металлом, свистел холодный осенний ветер, а улетающие лебеди проводили моего князя, уходящего в небо вместе с дымом погребального костра, печальным криком. Помню, мне показалось, будто в белом клине прибавилось лебедей, но, должно быть, мне просто попали в глаза брызги морской пены и зрение замутилось...

— Ну, будет, хозяйка, — негромко сказал он и усадил меня в кресло. — Ты права, былого не воротишь. Твой князь ушел за горизонт, но он запомнил тебя сильной и смелой, вот и не подводи его, слышишь?

— О чем ты?

— Бежать надо, — серьезно ответил Рыжий. — Одевайся да поскачем прочь отсюда.

— Но... что потом?

— Видно будет. В прошлый раз я говорил: «ночные короли» недовольны происходящим. Так и есть. Они помогут чем смогут, когда доберемся до них. — Рыжий ухмыльнулся. — А еще я нашел несколько верных людей, они ждут нас в горах. Кое-кто тайные тропы знает, уведет подальше, а там уж и станем судить-рядить.

— А почему я должна тебе верить? — негромко спросила я. — Ты сказал — ты не подсыл, но чем ты это докажешь? Откуда мне знать, что ты говорил правду? Кто на самом деле вложил в твои уста эти речи, заставил нарасказать легенд затворнице, истосковавшейся по новостям? Я уеду из поместья... и где окажусь? Исчезну? Или...

Рыжий молчал.

— Откуда-то ты прознал обо мне и Саннежи, — продолжила я, — но это мог помнить и Арнольд, герольд: ты же сам сказал, что напоил и расспросил его. Уж об отречении Саннежи он должен был знать наверняка! А я... Что мне остается? Остаться здесь и ждать, пока сестра умрет очередными родами, а за мной пришлют? Бежать в никуда одной? Бежать с тобой, все время думая о том, что ты можешь оказаться врагом или слугой врага? Этак я и в самом деле сойду с ума!

— Клятве ты, должно быть, не поверишь? — негромко спросил он, и я покачала головой. — Страшно никому не доверять...

— Все, кому я верила, умерли, — ответила я. — Ты что делаешь?

Рыжий распахнул куртку, дернул завязки на воротнике рубахи, и я невольно вздрогнула: левое плечо его было покрыто замысловатыми рисунками, какие накалывают себе моряки. Но у тех они обычно черные от жженой пробки или синие от чернил, а у Рыжего сложная вязь светилась тусклым золотом. Мне показалось даже, словно под кожей у него продета

золотая нить, которой вышито неведомое послание.

Он вынул нож и провел острием у самой ключицы, там, где начиналась загадочная вязь, и приложил руку к царапине.

— Смотри, — сказал он, протянув мне окровавленную ладонь. — Не бойся.

Я смотрела как зачарованная: узор под кожей шевельнулся, вспыхнул ярче и вдруг... начал расплетаться, и тонкие золотые нити побежали по пальцам Рыжего, словно следовали за током крови.

— Сейчас...

Он выдернул из так называемого букета стебелек осота, ветку крапивы, размял между пальцами, а потом как-то так ловко сплел с этими самыми нитями, что вышел тонкий жгутик, который Рыжий и свил у меня на запястье.

— Эту нитку можешь разорвать только ты, — сказал он, завязав узелок и оборвав концы.

— И что случится? Ты умрешь?

— Нет, не умру, — серьезно ответил Рыжий. — Это вовсе не для того. Это просто оберег — почувствуешь, если мужчина против тебя умышляет, ну...

— А если вдруг женщина? — прищурилась я, вспомнив придворных сплетниц.

— Тьфу ты... — Он мотнул огненной головой. — Тут я ничего поделывать не могу. Чему научили, то сделал. Ну уж будто ты наглуго бабу не огреешь топором ровно так же, как мужика?

— Так-то оно так, но речь у нас шла вовсе о другом, — напомнила я, разглядывая странный браслет, на удивление похожий на золотой. Помню, в детстве мы с Аделин плели венки, и такие вот жгутики из травы тоже плели... — Откуда мне знать, что ты сделал, что это за вещь? Почему я должна послушать тебя?

— Я не хотел этого делать... — покачал головой бродяга. — Да только иначе ты не согласишься. А ты и этак не согласишься!

— Ну, говори же!

— Князь Саннежи знал одну твою стыдную тайну. Ты сказала ему, не матери и не отцу, и это он объяснил тебе, что ты вовсе не умираешь, что это в порядке вещей, и велел все же пойти к матери. Помнишь?

— Откуда ты... — Я почувствовала, как заливаюсь краской.

— Огонь. — Рыжий протянул руку, и огонек с фитиля свечи перескочил ему на руку, затанцевал на костяшках пальцев, как монета у ловкого фокусника. Такого я еще никогда не видала, даже у того циркача с факелом! — Он помнит то же, что Саннежи, ушедший в небо с дымом. А я умею разговаривать с огнем. Я могу рассказать, когда и как он в первый раз поцеловал тебя...

— Замолчи! Я все равно тебе не поверю, — прошептала я. — Ты мог узнать об этом от кого-то из слуг, наших или княжеских. Мог подслушать... А мог вызнать иначе.

— Скверно жить, не веря никому, верно? — повторил он после паузы.

— Да. Но лишиться жизни, доверившись бродяге с большой дороги, еще хуже.

— Значит, не рискнешь? Останешься ждать гонцов от своего зятя?

— Нет. Что мне терять?.. Тебе незачем везти меня к каким-нибудь бандитам, рискуя собственной шкурой: выкуп за меня если и заплатят, то огнем и сталью, сам ведь говоришь, что Рикардо не церемонится с разбойным людом. «Ночные короли»... они всегда блюдут выгоду и не тронут меня. Лихим людом на поживу ты меня не отдашь: что проку? Будто мало кругом девиц красивее и доступнее... — Я перевела дыхание. — Если я нужна кому-то, кто

умышляет против Рикардо, скажем, как знамя, как законная наследница престола, я рада буду помочь ему, а там уж сама разберусь... Ну а если ты посланник Рикардо и если он получит меня, я придумаю, как убить его, оказавшись рядом!

Показалось мне, или свечи вспыхнули ярче?

— Вот это другой разговор, — серьезно сказал Рыжий. — Ты сказала, у тебя есть мужское платье. Собирайся да возьми смену одежды, и поживее! Коней уж я оседлал... Твой — карачовый жеребец с белой проточиной на лбу?

— Он самый. Как догадался? — обернулась я.

На кровати уже высилась гора тряпья, и я выхватывала самое необходимое.

— Нрав точь-в-точь как у хозяйки, — фыркнул бродяга. — Я его погладить хотел, а он меня за плечо цапнул. Ну, долго еще?

— Может, отвернешься?

Вместо ответа он поставил поперек комнаты ширму, о которой я совсем позабыла, и я принялась переодеваться. Хорошо еще, гардеробная за дверью, костюм для верховой езды хранился там, и его успели вычистить... Так, сапоги, плащ...

— Годится, — сказал Рыжий, увидев меня. — Только косу под куртку спрячь.

— Ее можно отрезать, чтобы не мешала.

— Нет. Это всегда успеется, а такими вещами... — Он осекся. — Верно. Укоротить придется. Позволишь мне?

Я кивнула и невольно поежилась, когда Рыжий снова вынул нож.

— Дай руку, — попросил он, а когда я протянула ее, несильно порезал мне палец. — Извини, хозяйка, так надо. А теперь волосы...

Отхватил он едва не половину, и голова сразу сделалась какой-то легкой. Воображаю, что будет, если срезать волосы под корень! Наверно, вовсе в небеса улечу...

— Идем, — негромко сказал Рыжий, подхватив мой небольшой, но туго набитый тючок.

Что мне было брать с собой, кроме пары смен одежды? Немногочисленные драгоценности, несколько памятных писем и мелочей, вот и все. Медальон с портретами родителей и так был при мне. Ну и верный топорик и кинжал, отцовский подарок, я не забыла.

— А припасы как же?

— Смеешься? Припрятаны где надо, с голоду не умрем.

— Меня искать станут! Еще и кони пропадут...

— Не беспокойся, — сказал он, бесшумно отворяя одну дверь за другой. — Садись на своего зверя. Себе я вон того серого выбрал, он вроде как помирнее будет. А этих заводными возьмем... и навьючим как следует.

— Ты что делаешь? — прошептала я, когда он выпустил из конюшни остальных лошадей и настежь растворил ворота.

Вместо ответа Рыжий ловко вскочил в седло и погнал серого вскачь, а я последовала за ним. Заводные лошади поспешали позади на чембурах.

— Рыжий! — едва слышно окликнула я. Серый конь был едва виден в темноте, луна то и дело скрывалась за тучами.

— Тс-с-с... — отозвался он. — Стой. Теперь обернись и гляди.

— Но...

— Этой ночью положено жечь костры, — негромко произнес он. — Лето умерло, родилась зима, так что это — костер в твою честь.

Позади вдруг вспыхнул огонь, мигом охватил пустую конюшню, перепрыгнул на дом и весело затанцевал на крыше... Истошно залаяли проснувшиеся собаки, раздался топот копыт — это разбежались перепуганные лошади. Слышны были крики — видно, дом пытались тушить, но куда там...

— А как же люди? — прошептала я.

— Я ведь не палач, — серьезно ответил Рыжий. — Все успели выскочить. Все, кроме тебя. Это ты опрокинула свечу — все же знают, что ты не спишь ночами, читаешь. Ну и вот...

— Волосы и кровь, так? — медленно произнесла я. — Как в старых сказках: влюбленные убежали, но это заметили не сразу, потому что они оставили свою кровь, и та говорила с преследователями вместо них?..

— Именно. А теперь едем. Рассвет скоро, полночь давно позади, уже можно.

Я кивнула, ощущая странную пустоту внутри, а он добавил без тени иронии:

— Принцесса Жанна умерла. Да здравствует королева Жанна!

— Безобразная, — добавила я.

— Бешеная, — поправил он.

— Одно другому не мешает, — не сдалась я, Рыжий тихонько засмеялся и тронул серого каблуками.

— Нам туда, — махнул он рукой. — К перевалу. Правь на рассвет...

Мне не приходилось раньше забираться в эти ущелья, прогулки мои ограничивались известными тропами. Мне дозволялось ездить лощинами и перелеском, но и только. Должно быть, соглядатаи мои знали, что Тван может уйти и по горной круче, как его полудикая мать, а потому держали меня на короткой привязи.

— Рыжий, а как же гвардейцы? — спросила я, следуя за ним. Для бродяги он как-то слишком уж хорошо держался в седле.

— Они спали, — ответил он, глянув через плечо. — Нет, огонь на их лужок не пошел, ветер в другую сторону. Но теперь, если они уже проснулись, то пытаются понять, что вообще случилось!

— Твоих рук дело?

— А как же, — самодовольно ответил он. — Самое лучшее вино от госпожи! Три бочонка! Ты же его не пьешь, верно? Отчего бы не попотчевать служивых?

— Значит, ты все рассчитал заранее... Так кто же ты на самом деле, Рыжий? — негромко произнесла я, подобрав поводья.

Тван мог развернуться даже на этой узкой тропе, я знала...

— Просто бродяга, — ответил Рыжий. Уже рассвело, и видно стало, какое у него усталое, серое лицо. — Помолчи, хозяйка. Я и так еле жив.

Мы ехали молча до тех пор, пока солнце не поднялось в зенит, а мы не оказались в тенистом ущелье, где ручеек со звоном впадал в небольшое озерцо.

— Привал, — выдохнул Рыжий, сполз с коня и со стоном потянулся. — Давненько я не садился верхом!

— Ездишь ты уверенно, — заметила я.

— Научился в свое время, — ответил он, расседывая серого. — Помочь?

— Сама справлюсь, — ответила я, — а то, чего доброго, Тван тебе руку откусит...

— Да уж... — пробормотал Рыжий, покосившись на моего каракового. — Ты есть хочешь, хозяйка?

Я покачала головой.

— И я не хочу. Сейчас лошадей обиходим, и можно будет вздремнуть. Сюда никто не доберется.

— Если гвардейцы живы-здоровы, то по следам нас найдут.

— Не найдут, — ответил он, глянув на небо. — Пока проснутся, пока разберутся, вот тебе и дождь... Успеем передохнуть.

Рыжий стреножил лошадей и пустил пастись — травы тут было вволю, — а сам примостился под большим валуном на пополах. Я села рядом — куда еще было деваться?

— Ты забывай свою привычку не спать ночами, — сказал он перед тем, как заснуть, — теперь хоть когда пару минут сна урвешь — считай, удача!

Я промолчала. Это от меня не зависело: я перестала спать ночами после смерти отца, да и прежде спала беспокойно. Только рядом с Саннежи я засыпала мгновенно, и снились мне огнегривые кони на бескрайних равнинах и кони белогривые на морских волнах, они встречались и мчались дальше бок о бок, и было это прекрасно...

— Хозяйка, — встряхнул меня Рыжий, и я очнулась. — Солнце садится. Я думал, дальше поедем, но не выйдет. Дождь скоро хлынет. Седлай своего дикаря, попробуем прорваться к

пещерам, а то как река вздуется, нас только в заливе и выловят...

— Это, что ли, река? — нахмурилась я, глядя на ручеек.

— Сразу видать, в горах ты не бывала, — ухмыльнулся он и закинул седло на серого. —

Живее!

Мы двинулись дальше, все вверх да вверх по замысловато изрезанным узким долинам и ущельям. Накрапывал дождь, потом он перешел в ливень, но Рыжий не сбавлял хода, понукая:

— Скорее, скорее, немного осталось!

Я же с ужасом и восторгом наблюдала за тем, как узкий ручеек в мгновение ока увеличивается до размеров настоящей реки, и реки очень бурной!

Тут мой заводной конь оступился, его едва не унесло потоком, и если бы не Тван да не подоспевший Рыжий, пропадать бы бедняге... Мы вытянули дрожащего гнедого на твердый берег, а мой проводник, слава всему существу, сказал:

— Здесь остановимся. Не зальет.

Кони не хотели идти в пещеру, пусть даже снаружи поливал дождь. Только Тван, знавший меня с рождения, уверенно пошел за мною следом, ну а за ним потихоньку удалось завести и остальных.

Пещера, узкая у входа, едва-едва лошади пройти, почти сразу резко расширялась, образуя большой зал (здесь мы оставили коней), а затем снова сужалась. Туда Рыжий и привел меня. Там было тесно, но хотя бы сухо, а в углу нашелся хворост и целая груда черных камней.

— Это горючий камень, — пояснил Рыжий, высекая искру. — Его тут видимо-невидимо. Вонюч, но горюч, чуть распалишь, потом не погасишь... Кузнецам и ювелирам он особенно по нраву: жар дает ровный. Ну а нам, сама видишь, пары камешков на всю ночь хватит. А что до вони, так тут хорошо сквозит, живо вытянет...

Я молча порылась во вьюках, достала хлеб, сыр и вяленое мясо, и мы уселись у костра.

Лошади недовольно пофыркивали, принюхиваясь к костру, но Рыжий не солгал: дрянной запах мгновенно выдуло наружу, и стало можно дышать свободно. Тот, кто устроил здесь убежище, не прогадал: углядеть вход, густо заросший диким виноградом, можно было, лишь зная, где искать. Ну а что мы осторожно раздвинули плети, не страшно: они мгновенно переплетутся вновь. Зимой, когда листва опадает, должно быть, прятаться сложнее, но я была уверена: на этот случай есть другие тайники.

— Ты обещал рассказать, что случилось с Аделин, — напомнила я, утолив голод. — Кто исполнил ее желание, как это произошло?

Рыжий помолчал, вороша длинной веткой горящие камни. Вот уж поистине необычное зрелище! Надо же, столько времени я провела здесь, но слыхом не слыхивала о такой диковине...

— Что, интересно? — заметил мой взгляд бродяга. — Камни-то ладно. На севере в горах тоже такие есть, только не черные, а серые, слоистые, как пирог. Горят еще жарче. Если поджечь гору, в которой есть жила такого камня, она долго будет тлеть и дымить, а может и обрушиться, если большая жила выгорит дотла.

— Надо же...

— Ага. А кое-где на побережьях и в пустынях из земли течет горячая вода. Правда, она на воду-то не похожа: черная такая маслянистая блестящая жижа. Вот уж она как вспыхнет, не потушишь, — задумчиво произнес он. — На юге из нее делают «негасимый огонь», смешивают эту жижу с чем-то, наливают в глиняные горшки, поджигают и закидывают ими

чужие корабли. Если хоть один такой на палубу попадет, пиши пропало. Что такое пожар на корабле, представляешь?

Я кивнула. Когда отец брал меня за море, всех предупреждали об опасности открытого огня!

— Ну вот. А эта дрянь растекается по всем щелям, полыхает, а водой ее не зальешь, разве что песком можно забросать, но много ли того песка выйдет с собой взять? Ну а если горшок в мачту угодит, тогда все. Тогда только рубить снасти да за борт скидывать... если успеешь.

— Ты так рассказываешь, будто видел все это своими глазами, — сказала я.

— Может, и видел, — улыбнулся он. — А ты у моря выросла... неужто даже не слыхала о таком?

— Так ведь у моря, а не в море, — вздохнула я. — Берег знаю... и тот не весь, а как морские сражения ведутся, только на картинках видела. Ну еще слыхала кое-что от капитанов да адмиралов, но они как начинали сыпать своими морскими словечками, так я от них и сбегала. Торговый корабль от боевого я еще отличу, а вот фок-мачту от бизань-мачты или там грот от стакселя — уже вряд ли... Но ты не уходи от вопроса, Рыжий. К чему ты завел разговор о «негасимом огне», если я спросила тебя о другом?

— Да просто припомнил, на эти камни глядячи, — задумчиво произнес он и снова ткнул палкой в костер. Один камень развалился, подняв тучу искр. — Надо будет раздобыть той смеси. Вдруг да пригодится? Передай-ка флягу, хозяйка, промочу горло и расскажу, что удалось узнать...

Он сделал несколько глотков и заговорил нараспев, как странствующий сказитель... Впрочем, может быть, ему доводилось подвизаться и в этой роли?

— Это случилось вскоре после смерти вашей матери. Ты быстро утешилась — у тебя ведь оставался отец, да и князь был с тобой, и все вместе вы ускакали на охоту. Срок траура еще не миновал, и Аделин злилась: как это вы можете веселиться, когда королева лежит в могиле? А еще злилась на то, что ее не взяли с собой, что она пусть и красива и умна, но не так интересна, как старшая сестра, не на нее смотрит князь, не с нею, как с тобой, такой же юной, говорят послы... — Рыжий снова глотнул из фляги. — Так она забрела далеко в дворцовый парк, надеясь заблудиться — может, ее станут искать, беспокоиться? Но никто ее не искал, даже служанки: они пили чай с пирожными, кокетничали со слугами князя и думать забыли о младшей принцессе, — и, поняв это, Аделин горько расплакалась.

— Скажи, ты сочиняешь? — тихо спросила я, но он покачал головой.

— Думай как тебе угодно, хозяйка, но так все оно и было. Слушай дальше... Аделин расплакалась и пошла вперед, не разбирая дороги. И вдруг ей попался на пути незнакомец, который участливо спросил, что случилось с юной красавицей и не нужна ли ей помощь. Он был так ласков и учтив, что Аделин выложила ему все, что ее печалило, и даже чуточку больше. И тогда, — Рыжий чуть подался вперед, — незнакомец предложил исполнить ее желание, если она взамен исполнит его.

— И что же он...

— Догадайся, хозяйка.

— Это был колдун? — помолчав, спросила я. — Он согласился выполнить просьбу моей сестры, а за это она должна была выйти замуж за Рикардо?

— Точно. И не просто выйти замуж, а подарить ему наследника.

— И она согласилась, дурочка! — воскликнула я. — Создатель, наверно, она подумала, что это розыгрыш, что ее просто хотят утешить. Ну нельзя же верить в добрых волшебников в

таком возрасте!

— А вера не имеет значения, — покачал головой бродяга. — Слово было сказано, клятва прозвучала, и развеселившаяся Аделин вприпрыжку побежала обратно. А вечером во дворец прискакал гонец, потребовал всех лекарей, что только есть в округе, — да хоть бабок-шептуний, знахарок, всех! — и увез их в охотничий домик.

— Это была та самая охота... — прошептала я, снова схватившись за лицо.

— Именно. Ну а потом, пока ты приходила в себя, на балах блистала юная Аделин, она быстро расцвела. Ты верно сказала: она вовсе не глупа, просто в твоей тени никто не замечал младшую принцессу.

— Но она не получила Саннежи, даже несмотря на то, что он послушал меня и намеревался сделать предложение ей... — Я подняла руку. — Постой, я догадаюсь. Она пожелала, чтобы он полюбил ее, а если не ее, то... пускай не достанется никому?

— Точно так. То, что он собирался посвататься к Аделин, ничего не меняло — он все равно любил тебя, а не ее. И его не стало.

— Значит, если бы я приняла его предложение, он все равно бы погиб?

— Скорее всего, — кивнул Рыжий. — Хозяйка, ну что ты?.. Зачем? Былого не воротить...

— Я не плачу! — гневно сказала я, когда он попытался заглянуть мне в лицо. — Я не умею!

— Ты это второй раз говоришь, а я в толк не возьму, как такое возможно.

— Вот так. Не умею, и все. Аделин — та, чуть что, мигом ударялась в слезы, а у меня не выходит. В груди давит, дышать трудно, а слез нет... Мама говорила, я с детства такая. Хватит обо мне! — Я перевела дыхание. — Итак, вскоре объявился Рикардо... Мы с Аделин уже обе были на выданье. Что я не отвечу согласием на его предложение, любой дурак бы понял, и тогда он просто забрал обещанное, верно я понимаю? Недаром же Аделин словно ослепла и ума лишилась! Сперва фыркала, мол, что за нелепый принц, а потом...

— Потом ваш отец ушел за горизонт, — сказал бродяга, и я не сразу поняла, что он имеет в виду. Хотя он ведь уже говорил так о Саннежи... — А ты, брошенная всеми и прогнавшая всех, кто мог бы тебе помочь, осталась совсем одна. И даже если сестра жалела тебя, то поделать уже ничего не могла: ее желание исполнилось, она вышла замуж за принца, стала королевой, уму и красоте которой завидуют все вокруг, и теперь дело за малым... она ведь тоже дала обещание.

— Дурная девчонка! — Я вскочила и от злости пнула грудю горячего камня. — Ну как можно было сделать такую глупость! Будто мало нам мама сказок рассказывала о таких вот... добрых феях! Мама...

— Вспомнила что-нибудь?

— Мама рассказывала... — выговорила я, замерев на месте. — Помолчи, не то я снова забуду... Верно. Не верь феям, говорила она. Не шути с ними. Ничего не бери у них, а если угораздит взять — не обещай ничего взамен, тем более расплатиться в будущем. Если что-то отдаешь, так отдавай сразу. Не загадывай желаний — они их исполнят, но так, что ты волком выть будешь, лишь бы вернуть все, как было прежде, но они только посмеются и заберут обещанную плату. Выходит... мама знала? А мы с Аделин считали это сказками...

— Я же сказал: вы королевской крови, — негромко ответил бродяга. — Только ты бы обходительному незнакомцу не поверила, а сестра твоя и впрямь была совсем еще юной и глупой. Ей хватило обещания... такой вот сказки.

— А ты кто такой, если знаешь о подобных вещах? — Я невольно потянулась за топориком, но Рыжий даже не шевельнулся.

— Да никто, — сказал он серьезно. — Бродяга, говорил ведь уже. Иду куда ветер несет, слушаю всякое-разное, а тут вот застрял, словно стена на пути, никак не обойти. Стал искать лазейки-обходы, попал в твой дом, а потом... — он ухмыльнулся, — начал искать-копать, выяснил худо-бедно, что к чему да почему, сама же удостоверилась только что! Это вовсе не сложно, если знаешь, кого да о чем расспросить, а еще если у тебя ушки на макушке, а в памяти — воз да маленько всяких сказок, мне их родители да бабки-дедки, тетки-дядьки да случайные знакомцы столько понарасказали, что голова кругом идет, едва сосчитать попробуешь...

— Так ты нашел лазейку? — тихо спросила я, и он мотнул рыжей головой.

— Нет в этой стене лазеек. Ее только сломать можно. Я потому и вернулся к тебе: не могу на одном месте кружить, мне вольный ветер нужен, а тут уже дышать нечем. А уйти я не могу, пока не выберусь из этой ловушки. Может, не сверни я той ночью к твоему дому, проскочил бы, а теперь поздно. Вперед не моги, да и назад уже хода нет.

— О чем ты? — прошептала я, надеюсь, не слишком жалобно.

— Видала, как сети заводят? — спросил Рыжий, подняв на меня темные глаза, в которых плясали отблески пламени. — Стягивают потихоньку. Мелочевка еще улизнет сквозь ячейки, а крупная рыба останется... А тут все мы — крупная рыба, и невод — размером со все твоё королевство. Пока еще у Рикардо нет полной власти, и то уже отсюда не вырваться, но если он заполучит сына... — Он помолчал и закончил: — Не станет этого места. Никого не станет: ни людей, ни зверей да птиц, ни жуков-пауков, бабочек-козявочек, вплоть до самой мелкой мошки, ни цветка, ни былинки не останется... Рыбы, может, выживут. Если не сварятся заживо. То-то уха выйдет...

— Я не понимаю... — Мне стало страшно.

— Вспомни матушкины сказки о феях, хозяйка, — устало сказал он. — Они все время ищут какую-то дверь. Рикардо ее нашел, только ключа у него нет. А как найдется, гореть нам всем дотла, даже пепла не останется...

— Почему?

— Потому! Чтобы открыть дверь, сил нужно столько, сколько за три века не скопить. Но можно и разом их получить... Быстро. Убьешь все кругом — вот и готово.

— Рыжий, погоди! — Я невольно схватила его за плечо. — Было, было в одной сказке такое: мороз сковал землю и убил все живое, и сделали это феи! Только зачем, мама не сказала, может, сама не знала... Но...

— Они же разные, феи-то, как и люди, — серьезно произнес он. — Одна заморозит, другая сожжет. Если Рикардо ключик заполучит — гореть нам... Ну, это я уже говорил.

— Ты хочешь сказать, фея — это Рикардо?! — вырвалось у меня. — Разве такое возможно?

— Нет, он всего лишь полукровка, и сил ему требуется куда больше, чем чистокровной фее. Кстати, потому он и уродлив, — все так же спокойно сказал Рыжий. — Чистокровным феям человеком прикинуться — раз плюнуть, а вот их отродья в родительских-то чертогах все в них, красавцы писанные, а у нас, на земле, — или кривые, или хромые, а то и вовсе без рук и ног. Некоторым еще везет, вроде как Рикардо и его дочке.

— Значит, Эмилия поэтому родилась калекой? — Я потрясла головой. — А что за ключик? Постой, сама догадаюсь... Наследник?

— Да. Почему годится только мальчик, понятия не имею, — вздохнул бродяга. — Наверно, если бы тот «кожаный мешочек» протянул хоть несколько часов, Рикардо использовал бы его, но...

— Рыжий, ты же говоришь, Рикардо — полукровка, ему-то зачем все эти... двери, ключи? — тут уже я схватила его за воротник куртки.

— Я ведь намного больше сказал, — ответил он, отстранив мои руки.

— Да, верно... В чертогах фей он будет прекрасен? И все — только ради этого?! Я верно поняла: ему не просто нужно скопить силы... это их он тянет из моих земель, верно? И ему еще придется отдать сына, чтобы открыть эту треклятую дверь?..

— А что бы ты отдала, лишь бы вернуть себе прежнее лицо? — спросил бродяга, глядя мне в глаза.

— Свою гордыню, — ответила я после паузы и отвернулась.

— Ну же, моя королева, — тихо сказал Рыжий, дав мне время совладать с собой. — Это не дело. Подданные увидят.

— У меня нет подданных. И я еще не королева, — выговорила я сквозь сдавивший горло спазм.

— Ты — королева. По праву крови. А подданные найдутся. Вот я, например, сгожусь для начала? — усмехнулся он и добавил: — А удобно, наверно, не уметь плакать! Зареванные девушки выглядят ужасно!

— Не ужаснее меня, — скривила я губы. — Что ж, самопровозглашенный подданный самозваной королевы... мы не договорили. Откуда тебе известно все это, спрашивать не стану, ты все равно не ответишь. Но, быть может, скажешь, почему Рикардо объявился именно здесь, у нас?

— А ты думаешь, он ищет ключ первый десяток лет? — хмыкнул Рыжий. — Он куда старше, чем кажется, говорю же — полукровка! Уж не знаю, как фея ухитрилась сойтись с человеком, может, забавлялась... но, видно, исчезла сразу после того, как Рикардо появился на свет. Подкинула его кому-нибудь, может, даже настоящему отцу, и испарилась.

— А почему ты уверен, что это была она, а не он?

— Потому что плод человеческой женщины от феи редко появляется на свет живым. А если так, то мать все равно чаще всего погибает, а от ребенка люди разбегаются с криками ужаса. Некоторые выживают, конечно, но... — он покачал головой.

— Как у Аделин?.. — содрогнулась я.

— И это Рикардо еще полукровка, если вовсе не на четверть или осьмушку фея, — кивнул Рыжий. — Я бы даже на второе поставил, они обычно живут долго, если сразу не подохнут, конечно.

— Но постой, ведь известно, когда он появился на свет, его отец еще жив... А ты говоришь, Рикардо не первый десяток лет ищет этот ключ! Как такое может быть?

— Заморочить людям голову фее, даже не чистокровкой, ничего не стоит. Может, и жил когда-то настоящий принц Рикардо, обычный мальчик, но наш знакомец занял его место. Ты ведь сама упоминала, хозяйка: все кругом сделались будто сами не свои, даже твой отец...

— Понятно... — пробормотала я. — Но всем известно, что Рикардо с рождения хром и горбат, так когда же он объявился в тех краях? И как ухитрялся изображать ребенка?

— Не по годам умного ребенка, — напомнил Рыжий. — Так и ухитрялся. Феи и не на такое способны. Вот матерей обмануть сложнее, потому мать настоящего принца и умерла очень скоро.

— И моя тоже...

— Да. Судя по тому, какие сказки она рассказывала вам с сестрой, кое-что она знала. Ее никак не должно было оказаться рядом, когда появился Рикардо.

Я снова пнула камни и села у костра.

— Но почему именно так? Если ему нужна королевская кровь... я верно поняла? Разве нельзя принести меня или Аделин в жертву, а не мучить так?!

— Нельзя. Дверь запечатана кровью феи и королевской кровью. — Рыжий помолчал. — Она была пролита одновременно, и открыть эту дверь можно, только повторив это. Но настоящих фей в этом мире больше нет, последняя была убита на том самом месте, где прикрывала исход остальных. Здесь остались только полукровки, о которых беглянки и не вспомнили. Может быть, у Рикардо есть еще дочери, кроме Эмилии, но девочки не годятся, а какой ему смысл убивать себя?

— То есть сын Рикардо в самом деле станет... искомым ключом? — спросила я зачем-то, хотя ответ и так был очевиден.

— Именно.

— Рыжий, спрошу еще раз: откуда тебе столько известно обо всем этом?

— А разве это имеет значение, моя королева? — Он глубоко вздохнул. — Ладно уж, сознаюсь: мой предок неплохо повоевал, когда последних фей загнали на край земли! Там он и погиб, но, к счастью, к тому времени уже успел обзавестись внуками.

— Так ты тоже... королевской крови? — предположила я.

— Да нет, что ты! Прапра... а, что толку считать те «пра»? Словом, предок был обычным воякой, — усмехнулся Рыжий. — Закрыв собой молодого короля Эдриана, так и погиб. Его сын бился рядом, от него потомки и узнали... обо всем. Ну и пообещали, как предок, всегда защищать королевскую кровь, потому как без нее нашему уютному миру может и конец настать. Фей-то выгнали, но поди знай, сколько еще полукровок они оставили? Мы потому и кочуем по свету: никогда не знаешь, где что найдешь... Я вот сказал — тянуло меня сюда необычайно, я и пришел. И, видишь, не промахнулся: нашел-таки последнюю королеву!

— Что-то не сходится у тебя, — покачала я головой. — Пускай феи живут веками, но если Рикардо — отпрыск одной из них, то ему, выходит, тоже несколько столетий? Раз последних помогал изгонять аж твой прапрапра...

— Может, и так, — легко согласился он. — Я ведь говорю, он смешанной крови, а такие тоже живут не как люди. Поди знай, кто на самом деле были его родители, какая доля крови фей течет в его жилах! Полукровки частенько оказываются ох как сильны...

— Знаешь, Рыжий, — сказала я после долгой паузы, — кроме матушкиных, я слышала еще и другие сказки. Там феи-мужчины похищали человеческих женщин, чтобы те давали им потомство: своих было слишком мало. Девицам казалось, будто они живут в королевских чертогах, а на деле это были развалины, и повитухи, приходящие к несчастным, ужасались увиденному, как эта твоя бабка! И если я нужна Рикардо вместо Аделин, отчего бы ему не прислать тебя, чтобы заморочить мне голову и убедить сбежать... куда-нибудь? Я еще в тот раз подумала: ты можешь заговорить зубы безо всякого колдовства! Я уже почти поверила...

Рыжий молчал.

— Железа ты не боишься, рябины тоже — ты не феино отродье, — продолжила я, — но кто знает, что умеют их слуги? Вдруг ты тоже задолжал что-то феям и теперь стремишься отдать долги, а они ради этого наделили тебя даром убеждения? Аделин однажды послушала

незнакомца, и ты сам рассказал, к чему это привело. Может, это ты и был тем незнакомцем? — Я помолчала и добавила: — Если я пойду с тобой, я сойду с ума. Я не стану спать ни ночью, как прежде, ни днем. И однажды я зарублю тебя, спящего... просто от страха.

— Знаешь, хозяйка, — ворчливо сказал Рыжий. — Если все заколдованные принцессы таковы, то я, кажется, понимаю, почему на свете не осталось прекрасных принцев! Ладно там колдуны да сторожевые драконы, так ведь спасенная по пути в отцовский замок все мозги через ухо десертной ложечкой выест!

Я не удержалась и фыркнула. Смешок получился нервным.

— Ясно, ты страшишься неизвестности, — сказал он уже серьезно. — Я и сам не знаю, что будет дальше, не привык загадывать слишком надолго вперед. Вот встретимся с теми людьми, о которых я говорил, тогда и будем судить да рядить. Времени у нас не очень-то много. Зимой у фей сил меньше, даже у чистокровных, вот до начала весны и нужно управиться. Иначе...

Рыжий выразительно ткнул своей палкой в огонь, снова взметнув фонтан искр.

— Думаешь, Рикардо еще раз попытается... — Я проглотила окончание фразы, но он понял.

— Конечно, попытается. Соберет все силы, лишь бы Аделин снова понесла. Но и ему уже ясно, что она совсем слаба... А тут еще ты погибла! Он будет в ярости, уверен.

— А поверит ли он в это?

— К тому времени, как его дознаватели сюда доберутся, пепелище трижды дождем прополощет, снегом укроет и морозцем прихватит, — хмыкнул бродяга. — Поди поищи в мерзлой земле твои косточки!

— Гвардейцы могут поискать, как пожарище остынет.

— Это верно. Но тут еще поди угадай, скажут ли они кому-нибудь что-нибудь или же промолчат... Я ведь тебе говорил об их командире. Помочь он не помог, но вдруг хоть язык узлом завяжет? Тоже ведь не лишне...

— А если останков моих не найдут, — задумчиво произнесла я, — Рикардо не будет уверен, жива я или нет. И искать меня будут все равно, раз уж с Аделин ничего не выходит.

— Ничего, еще ведь Эмилия имеется, — утешил Рыжий и пояснил, видя мое недоумение: — Рикардо может подождать, пока девочка не подрастет, а там выдаст ее замуж за кого попало, лишь бы сына родила. В ней ведь есть и его кровь, и королевская, так что... А может, и сам позаботится о наследнике.

— Мерзость какая! — передернулась я. — Ты так спокойно говоришь об этом...

— А что зря гоношиться? — пожал он плечами. — Пойми, это феино отродье. Они думают иначе, чем люди. Они никого не любят, кроме себя самих, а если вдруг полюбят, то... избави Создатель человека от их милости пуще, чем от их ненависти! — Рыжий вздохнул. — Сестра твоя, ты сама, Эмилия — вы для Рикардо просто сосуды, из которых он может извлечь ключ, не более того.

— Мне уже хочется прокрасться во дворец, задушить племянницу, прирезать сестру и самой прыгнуть с маяка в море, — пробормотала я. — Чтобы эта тварь уж точно никогда отсюда не выбралась и сдохла здесь рано или поздно...

— Оставь этот план на самый крайний случай, — посоветовал он совершенно серьезно. — Но это уж если никакого другого выхода не останется... А пока подожди. Есть еще шанс добраться до самого Рикардо, и надо его использовать. А теперь ложись и

вздремни. Дождь надолго зарядил... А меня не бойся. — Рыжий посмотрел на огонь, отчего в его темных глазах заплясали языки пламени, и добавил негромко: — У меня к феям свои счета.

— Твой предок?..

— Не только, — коротко ответил он и умолк. Потом сказал: — Спи, хозяйка. Дождь смывает не только следы, но еще и тревоги, и печали.

— Я люблю спать под звуки дождя, — невольно улыбнулась я. — Как когда-то в охотничьем шатре, когда капли барабанят по парусине, а внутри сухо и собаки ложатся в ногах, чтобы греться самим и греть хозяев... И лошади фыркают снаружи, пахнет дымом, а...

— А утром пахнет свежо и остро, — негромко подхватил он. — Мокрой травой и сосновой смолой, лесной прелью и остывшим пеплом костра — горьковато так, да? И псиной несет, куда ж без того!

Я снова улыбнулась и попыталась представить, что я не в пещере теперь, а в том самом шатре, на меховой постели, и мои охотничьи псы, подаренные отцом, свернулись большими мохнатыми клубками по бокам и иногда поскуливают во сне, переживая заново сегодняшнюю охоту... А Тви бродит снаружи (она не признавала привязи, но и без нее не отходила от меня ни на шаг, сторожила лучше иной собаки), позвякивая недоуздкой и шумно вздыхая, щиплет сочную траву. А у костра мужчины пьют вино, закусывают добытой за день дичью да рассказывают охотничьи байки, вкусно пахнет жареным мясом и дымом... Меня-то по малолетству сослали спать, служанка давно сопит с присвистом, а у меня не закрываются глаза. И не закроются, пока Саннежи не пройдет за тонкой стеной шатра и не скажет: «Доброй ночи!» Его одного Тви подпускала так близко, его да еще моего отца, а прочих мужчин могла и покусать, и угостить копытом...

Я сама не заметила, как уснула, а наутро проснулась от знакомого запаха: пахло дымом костра, конским потом и немного мокрой псиной, а еще хвойным лесом — сквозняк доносил снаружи этот запах, — грибами и глубокой осенью.

Оказалось, я лежу на сложенных пополах, прижавшись к бродяге, а он обнимает меня, вовсе не из низменных побуждений, а лишь чтобы согреть: костер давал не так уж много тепла, а накинутые сверху плащи от промозглого холода не спасали, потому как сами не успели просохнуть и грели из рук вон плохо.

Привстав, я взглядела в лицо крепко спящего Рыжего: так спят люди, уверенные в том, что они в безопасности. Дыхание его было ровным, он даже едва заметно улыбался чему-то во сне... В полумраке пещеры сложно было разглядеть его получше, а жаль! Я ведь ни разу не видела его на дневном свете, только ночью, или в сумерках, или в отблесках костра.

— Проснулась? — спросил он, открыв глаза, будто и не спал вовсе, и сел, потягиваясь. — Спина болит, чтоб ее... Мало верховой прогулки, так еще эти камни клятые! Будто палками побили, честное слово... Что смеешься?

— Дряхлеешь, видно, — ответила я, роясь во вьюках. — Отец мой тоже говорил, что в юности мог спать на голых камнях и есть что попало, а как стал постарше, так после ночевки в походном шатре жаловался вот в точности как ты. И камни-то твердые, и лапник колючий, и одеяла сырые, и дует отовсюду, и холодно...

— Я еще не настолько стар, — фыркнул Рыжий, приглаживая лохмы. — Здесь понизу не дует и довольно-таки сухо. Но камни твердые, это уж точно! Пойду гляну, что там снаружи, да лошадей обихожу. Ты поешь пока, я потом перекушу.

Есть мне вовсе не хотелось, да и наружу выйти требовалось, так что я подождала

немного и последовала за Рыжим. Он уже вернулся, судя по покрытой мелкими каплями воды шевелюре, и теперь задавал корм лошадям: заводных он навьючил изрядно, явно с запасом. И то, где теперь разживешься овсом? А на одном подножном корму они долго не протянут, это не Тви, которая умела добывать мороженую траву из-под снежного наста и могла грызть кору за неимением лучшего.

Тван тоже мог, уверена, хоть он и вырос в королевской конюшне. Просто Саннежи, помню, велел мне выгнать полугодовалого жеребенка вместе с матерью подальше в поле и посмотреть, как он справится и чему у нее научится. Всю осень и часть зимы они прожили на дальнем пастбище, близко к лесу, никто их не кормил — я запретила, — но они, считай, и не отошалаи вовсе...

— О чем задумалась, хозяйка? — спросил Рыжий, когда я принялась гладить Твана по белой проточине на лбу.

— Странно немного, — ответила я, помолчав. — Я столько лет не вспоминала Саннежи, а стоило поговорить с тобой... На что ни взгляну, о чем ни подумаю, так он перед глазами как живой!

— Ты просто запретила себе думать о нем, — серьезно сказал он. — Так бывает. Когда очень больно, человек, чтобы не сойти с ума, выстраивает у себя внутри крепостную стену и прячет за ней все, что связано с причиняющим боль, и не важно, была ли это смерть близкого человека, какое-то другое несчастье... А когда проходит время, стена начинает разрушаться. То один камень выпадет, то другой, и ты уже можешь понемножку вспоминать о былом, но не выть от горя и не разбивать голову об эту стену. Ведь так? — Рыжий повернулся ко мне. — Ты и о той роковой охоте ничего не помнишь, верно? То есть думаешь, что не помнишь...

«Жанна, стой, я сам!» — будто наяву прозвучал окрик Саннежи, и я вздрогнула.

«Погодите, госпожа, надо проверить...» — проговорил еще кто-то.

«Вот еще! Это моя добыча!» — ответил звонкий девичий голосок... мой собственный.

А потом раздался сдавленный вскрик, рычание, предсмертный взвизг, чьи-то вопли и яростный, полный боли и горя крик моего князя... В нем не было слов — не на кого было призывать кару Создателя, волка уже доби́ли, а я сама была виновата, что сунулась так близко к добыче, не удостоверившись, что зверь действительно мертв...

— Вспомнила? — негромко спросил Рыжий, и я кивнула.

Да, верно, так все и было. Сквозь боль и страх я еще осознавала, что Саннежи несет меня на руках, а сам плачет навзрыд, не в силах ничем мне помочь...

Правильно, это потом я придумала, что он приехал, узнав о случае на охоте, но нет — он тоже там был и все видел. И, должно быть, корил себя за то, что не успел остановить меня.

Вот уж верно сказал Рыжий — я больно ранила Саннежи, раз за разом, а он все мне прощал. Только где было глупой девчонке-подростку это понять? А мамы уже не стало, и некому было подсказать мне, как быть...

— Ты прав, — сказала я. — В памяти действительно много таких стен, целый лабиринт. Наверно, эту я выстроила, чтобы забыть о том, как все было на самом деле. Не чувствовать вины перед Саннежи — он меня не уберег, хотя обещал отцу глаз с меня не спускать, и, должно быть, сильно терзался, хотя отец никогда не попрекал его этим... Не вспоминать его горя и слез — никогда прежде не видела, чтобы он хотя бы в лице переменялся... Знаешь, страшно видеть, как сильный мужчина плачет, понимая, что помочь не в его силах? Отгородиться от всех и сделать вид, что от испуга лишилась памяти... куда уж проще!

[Купить полную версию книги](#)